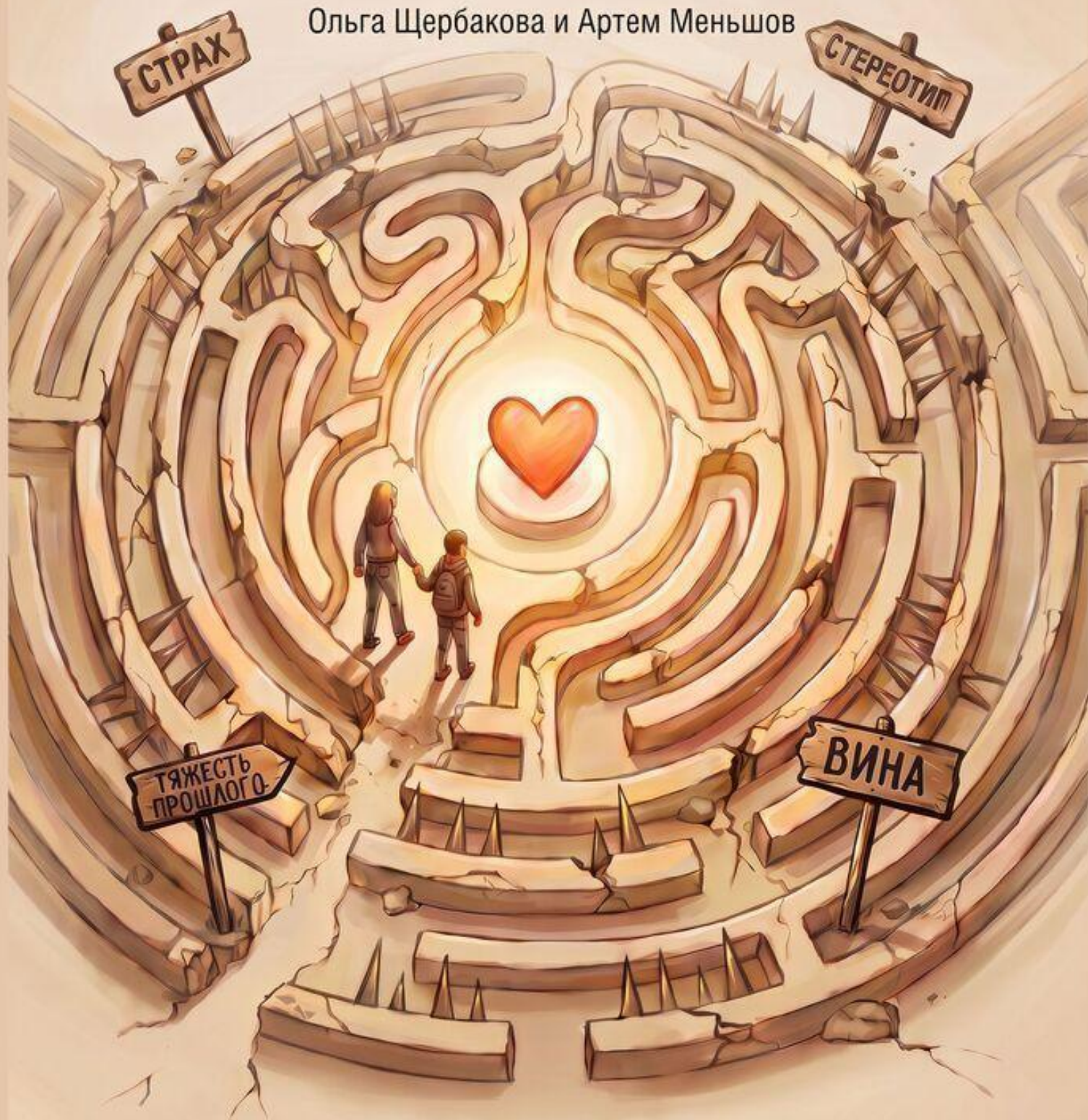

18+

Рядом. Без права собственности

Ольга Щербакова и Артем Меньшов

Ольга Щербакова

**Рядом. Без права собственности.
Книга о наставничестве
над детьми-сиротами**

«Издательские решения»

Щербакова О.

Рядом. Без права собственности. Книга о наставничестве над детьми-сиротами / О. Щербакова — «Издательские решения»,

Подросток из детского дома не ждет спасителя. Ему нужен тот, кто выдержит. «Рядом и без права собственности» — это книга о наставничестве над детьми-сиротами, которая разрушает привычные иллюзии и оставляет вместо них живую, сложную и настоящую реальность. Вы узнаете: — почему жалость может разрушить отношения — как не выгореть, пытаясь «добавить» любовь — где проходит грань между теплыми отношениями и зависимостью. Это не инструкция. Это опыт, в котором вы, возможно, узнаете себя.

© Щербакова О.

© Издательские решения

Содержание

Вместо вступления	6
Глава 1	11
Дети & Наставники. Кто все эти люди?	11
Злая сказка от Глеба о волонтере, который ожидал слишком много	14
Глава 2	16
Откуда берутся дети?	16
Сказка про опыт, который невозможно зачеркнуть	21
Глава 3	22
Откуда берутся наставники?	22
Сказка про мальчика, который ревновал всех ко всем	25
Глава 4	27
Чему учат наставников?	27
Сказка про мальчика, который очень не хотел исчезнуть	31
Глава 5	32
Кто с кем: по какому принципу знакомят детей и взрослых?	32
Сказка про девочку, которая разучилась завязывать шнурки	37
ЧАСТЬ 2	38
Глава 6	39
Ребенок есть. Что с ним делать?	39
Сказка про мальчика-часовщика	45
Глава 7	47
Что не так с системой?	47
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Рядом. Без права собственности Книга о наставничестве над детьми-сиротами

**Ольга Щербакова
Артем Меньшов**

психолог Наталья Фомичева

психолог Елизавета Панова

психолог Светлана Качмар

педагог Павел Николаев

педагог Елена Бирюкова

педагог, сотрудник благотворительного фонда "Детский дом" Оксана Галаган

психолог, сотрудник центра "Все свои" Василина Степанова

© Ольга Щербакова, 2026

© Артем Меньшов, 2026

ISBN 978-5-0070-9460-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо вступления

Жила-была женищина. А внутри нее — девочка. И были у девочки высокие идеалы, куча сил и четкие представления о том, что хорошо, а что плохо. А еще у девочки были рамки. Да такие строгие, что даже она при всем природном ханжестве иногда чувствовала себя тесновато. В голове девочки неразрывно существовали мечты о мире во всем мире и голоса, своевременно подсказывающие, где ее место и почему не стоит особо выделяться. Хорошо жила девочка, не тужила — размеренно, четко, как и было завещано. Пока однажды всезнающие голоса некстати не охрипли и не проворонили судьбоносное решение. Так девочка встретила мальчика.

Он тоже жил-был. В основном, был, и кое-как дорос до своих лет. У мальчика из секретного оружия были проникновенный взгляд из-под челки — безотказный, как пулемет — наглость затравленного зверя и коронная фраза «А че нет?». Ей мальчик умел снимать любые возражения и отстаивать даже самые крышесносные идеи.

Девочка примеряла на него свои правила и рассказывала, как им лучше следовать. А он не слушал. Девочка сажала мальчика в свои рамки и пыталась зафиксировать. А он не помещался: то нога торчит и футбольный мяч попинывает, то крепкое слово вылетает и роняет прохожих в обморок, то длинную челку за важную границу выносит. Клетка идеальности мальчику не подходила.

Удивилась девочка. Думала, мальчик тоже из глины, а он из камня — не затолкаешь ни в одну рамку, не скрутив предварительно в бараний рог. А ломать не хотелось, хоть и умоляли строгие голоса в ее голове. Тогда девочка убрала границы и разрешила мальчику жить в ее сердце. Обустроила там отдельную комнату с яркими стенами, боксерской грушей, пиццей и плойкой. Иногда мальчику становилось скучно, и он лез на стены своей комнаты или швырял в них самые злые слова, какие мог придумать.

— Я сам! И мне все равно, что ты думаешь! — кричал мальчик, разбрасывая вещи по комнате.

— А я могу больше не говорить, что я думаю. Даже когда умру, мой голос будет звучать внутри твоей головы. Как звучат все родительские голоса. Ты знаешь мое мнение по каждому вопросу. И никогда не сможешь забыть, родной, — отвечала девочка с улыбкой и поправляла непослушную челку.

Мальчик затихал. Пинал напоследок в сердцах боксерскую грушу и шел спать. Он ложился на спину и с изумлением наблюдал, как его комната в сердце девочки с годами становится просторнее и светлее. В том углу уже влезет домашний кинотеатр, а в другом — футбольное поле.

«Я столько не разнесу, даже если очень захочется. Это страшно... и классно», — рассуждал мальчик, включал музыку в наушниках погромче и оставался.

Девочка думала, что уже взрослая и все поняла про жизнь, голоса, приемных детей и спасение мира. Но она не учла, что в мире бывают такие несносные мальчики, которые не умеют спокойно сидеть в сердце и перелезают в голову. И вот однажды, проводя очередное совещание с самой собой, девочка выясняла, стоит ли ей писать книгу о наставничестве.

— Может не надо? — спрашивал тревожно первый. — Опять эта тема. Будет больно. Не рви себе сердце!

— Все твои желания идут от гордыни. А если подумать, ты кто такая? — строго урезонивал второй.

— А че нет? — внезапно ответил третий. Вроде, новый, но такой знакомый.

— А че нет? — повторила девочка и села писать эту книгу. — В конце концов, все самые важные битвы уже выиграны. Что я теряю?

Приняв решение, девочка зашла в одну из самых просторных комнат в своем сердце и поцеловала мальчика в макушку. За то, что, пытаясь спасти его мир, не заметила, как построила наконец свой собственный.

Предисловие от Оли

Вот вы и прочитали сказку обо мне. Теперь про реальность: впервые я стала наставником в двадцать шесть лет. К тому моменту, по классике, прошла школу приемных родителей, прочитала кучу литературы о воспитании детей с сиротским опытом. Сейчас в моей жизни двое ребят, с которыми познакомилась благодаря проекту «Наставники» — мальчик и девочка. Им по девятнадцать лет, они очень разные и очень любимые. Именно отношения с детьми привели меня к простой, но важной мысли: приемное родительство и наставничество — это не тождественные формы близости. Они могут пересекаться, но живут по разным законам. И если про приемное родительство написано много, то про феномен наставничества — совсем чуть-чуть.

Каждый вступивший в программу волонтер выстраивает отношения, опираясь на свой личный опыт и базу, полученную в ходе обучения. Точно знаю, что несколько поколений наставников периодически ломают голову над вопросами о том, как наладить контакт с ребенком, по каким принципам выстроить границы, что можно разрешить, а что категорически недопустимо в отношениях, каким образом трактовать то или иное поведение подростка.

Эта книга — попытка поговорить о таком опыте. В ней нет универсальных рецептов, зато есть траектории полетов разной высоты. Мне было важно написать не про наставничество как институт и не про воспитание в привычном смысле. А про любовь без права собственности. Про разницу между чувствами и поведением. Про отношения между детьми и взрослыми, которые осознанно выбирают идти по жизни рядом.

Источником вдохновения для этой книги, как вы верно догадались, стали мои дети. Но я принципиально не использовала здесь их личные истории. Позволила себе прикоснуться лишь

к крошечным фрагментам: в начале книги — к жизни моего мальчика (это вы уже видели), а в конце — к жизни девочки.

В остальных сказках вы встретите собирательные образы детей-сирот. Как говорится: все персонажи вымышлены, совпадения случайны. Но, возможно, вы узнаете в них что-то очень знакомое, потому что они частями и взяты из историй разных ребят, с которыми знакомились в детских домах и школах-интернатах в последние 15 лет волонтерства.

Поначалу сочинять книгу было довольно просто. Я даже написала вступление, сказки, взяла несколько интервью и сформулировала свои воспоминания в живые примеры. Но очень скоро стало ясно, что моего опыта недостаточно, чтобы рассказать обо всем, что запланировано.

К счастью, я знала, где его можно найти. Сейчас узнаете и вы. Знакомьтесь...

Жил-был мужчина. Но когда-то он был мальчиком, который любил играть в «Сегу», бить палкой крапиву и... ходить к папе на работу. Там всегда было шумно, и пятиэтажное кирпичное здание буквально кишело детьми. Одни были его ровесниками, другие старшие или младшие. Его удивляло, что на работе папу часто называли «батьа», просили совета или лезли обниматься чужие дети. Мальчик точно знал, что, когда он уходит, ребята остаются у папы на работе и не разбегаются по домам.

Чуть позже он понял: та самая пятиэтажка, где папа — директор, и есть их дом. Дом, в который никто из них не пришел по своей воле или от хорошей жизни. Папа мальчика, выходит, жил на две семьи. Одна — дома, а вторая — на работе. И обе были ему очень дороги.

Мальчик рос. Он рано понял, что любовь — это не мимолетное чувство, близкое к жалости, а серьезная работа. Мальчик быстро осознал, что в общении с детьми-сиротами нужны выдержка, искренность и стальные нервы. У него никогда не было иллюзий о «мальшиках, которым просто нужна забота».

Время шло. Ребята, с которыми мальчик танцевал брейк и веселился в лагерях, выросли и покинули стены интерната. Выпускники шутят, что можно выйти из детского дома, но детский дом останется в тебе навсегда. Мальчик по своему опыту знает, что доля шутки в этой шутке ничтожно мала. Во всяком случае он, взрослея рядом, понял, что хочет помогать сиротам и связать с этим профессию. Теперь мальчик, который когда-то ходил с папой на работу, сам идет в детский дом. У него там свой кабинет, его ждут коллеги и ребята. И это не начало профессиональной семейной династии. Это начало...

...предисловия от Артема

Как несложно догадаться, я родился в семье директора детского дома. Мой папа очень любил свою работу. Во многом именно это стало определяющим для моего жизненного пути и мировоззрения. В детстве я часто видел ребят, в которых все видели жертв, а я — отличных компаньонов для игр. Кто-то из них присматривал за мной в лагере, когда я был маленьким, кто-то выросл вместе со мной. Мы всегда находили, о чем поболтать и чем заняться вместе. И мне было легко с папиными воспитанниками, потому что я никогда не смотрел на них через призму общепринятых стереотипов, а это рождало доверие. Нам было классно вместе.

Только все мои друзья в 18 лет выпустились из детского дома, я остался. Остался сначала в роли волонтера, когда по привычке приходил к папе на работу пообщаться с новенькими и поучаствовать в концертах в роли ди-джея. Затем в амплу психолога, когда окончил институт. А потом как представитель благотворительного фонда и куратор наставников, который помогает подросткам и волонтерам находить точки соприкосновения. Каждый новый этап карьеры был полон для меня открытий, хотя опыта в сфере было предостаточно.

Мой профессиональный путь завершился совсем недавно, и покинул детский дом я в должности начальника отдела постинтернатного сопровождения — подразделения, которое занимается поддержкой ребят после выпуска из учреждения. Все эти годы моей целью было помогать нашим детям социализироваться и готовиться к выходу в большой мир, успешно жить в нем. Но важной задачей я всегда ставил формирование объективного, свободного от стигматизации, представления о детях «из системы» у окружающих. Я давно хотел сформулировать свой опыт и поделиться им с теми, кому эта информация актуальна. И раз вы читаете эту книгу, то у меня получилось.

Совсем скоро вы увидите, что на пути переосмысления темы наставничества мы с Олей не были одиноки. Иллюстрировать теорию непридуманными историями и личными примерами нам помогали действующие наставники и приемные родители, специалисты и выпускники детских домов, волонтеры и сотрудники благотворительных фондов. Имена одних мы изменили по их просьбе. Контактную информацию о других оставили в финале книги — для вашего пользования.

Итак, начинаем наше путешествие в мир по ту сторону забора детского дома. Я расскажу вам все, что знаю, а Оля дополнит это примерами наставников и интервью экспертов. Пристегивайте ремни безопасности: будет страшно, но полезно.

Глава 1

Дети & Наставники. Кто все эти люди?

Мир так устроен, что каждому ребенку нужен свой надежный взрослый. В идеале это родитель. Но для детей из детских домов такая ситуация почти невозможна. Родителя, который мог бы закрыть должным образом потребности, нет. Но стремление быть в контакте с взрослым у ребенка остается. Именно для того, чтобы ее закрыть, создана программа наставничества. Суть ее в том, чтобы у ребенка появился старший друг, который регулярно проводит с ним время, разговаривает, делится опытом, бывает рядом в обычной жизни. Не воспитывает и не заменяет родителей, просто остается в контакте.

Наставничество — это...

- добровольные отношения между взрослым и ребенком
- регулярное личное общение
- интерес к конкретному ребенку, а не к роли помощника
- присутствие в жизни подростка вне системы и инструкций
- долгосрочная связь, а не разовая инициатива

Для ребенка важно, что наставник выбирает его сам. Не потому что должен, а потому что хочет.

Наставничество, как и любая область, слабо изученная точными науками, обросло мифами и легендами. Чаще всего это героический эпос в жанре «пришел значимый взрослый — и жизнь ребенка перевернулась». Истории успеха наставников и их подопечных мы слышим регулярно. Они вдохновляют, дают надежду и в целом безвредны.

Гораздо опаснее мифы, которыми общество окружает самих детей-сирот. Эти представления бьют и по детям, и по взрослым, которые с ними работают.

В массовом сознании дети из детских домов — либо жалкие и несчастные, либо антисоциальные и «трудные». А все, кто добровольно входит в их мир — приемные родители, волонтеры, наставники — автоматически записываются в святые. Если поверить хотя бы в один из этих мифов, столкновение с реальностью почти гарантированно станет болезненным.

Поэтому прежде, чем говорить о настоящих детях и взрослых, имеет смысл показать несколько карикатурных образов, не имеющих отношения к действительности, и разобрать самые распространенные заблуждения. Приступим!

МИФЫ О ДЕТЯХ ИЗ ДЕТСКИХ ДОМОВ

Миф №1. Сироты достойны жалости.

Дети в детских домах — бедные, несчастные, заплаканные, их надо пожалеть, потому что они одиноки, им плохо. Формулировки могут быть разные, но восприятие идет через жалость.

Реальность: Сироты — дети с глубокими психологическими травмами и негативным опытом взаимодействия со взрослыми. Последствия и того, и другого проявляются по-разному: от замкнутости до агрессии, от демонстративного безразличия до гиперконтроля. Но ни одна из ран наших детей не лечится жалостью. Врачуются они только созданием условий, в которых можно чувствовать себя в безопасности и дорасти.

Опасность: Наставник, пришедший с установкой «пожалеть и полюбить», быстро сталкивается с фрустрацией. Во-первых, многие дети болезненно и агрессивно реагируют на жалость, считывая ее как унижение. Во-вторых, жалость почти всегда запускает стремление «додать»

— внимания, тепла, ресурсов. Это часто заканчивается выгоранием взрослого и потерей ориентиров у ребенка.

Миф №2. Сироты поголовно девиантные.

Дети в детских домах — это маленькие маргиналы, которые с годами вырастают в больших маргиналов и идут по стопам родителей. Но это если они вовремя не встречают человека, который может наставить на путь истинный и помочь понять, как жить правильно.

Реальность: в природе не существует гена маргинальности, гена наркомании или алкоголизма, которые дети из детского дома могли бы унаследовать от кого-то из родственников. Да, некоторые поведенческие паттерны в раннем возрасте автоматически «списались» со значимого взрослого. Да, за каждым ребенком стоит непростая история. Но это не приговор и не «дорожная карта»: характер и привычки каждого нашего подростка сложились под влиянием сотни факторов и десятка неповторимых обстоятельств. Любой ребенок — это личность, а не заготовка под чьи-то представления о норме. И причислять всех под одну гребенку в корне неверно.

Опасность: если наставник регулярно говорит прямо или намекает подопечному, что с ним что-то не так, и это необходимо исправить, самооценка ребенка страдает. Особенно если позиция взрослого транслируется аргументированно и очень похожа на правду. В лучшем случае пара быстро распадется, и ребенок добавит в список глубоких разочарований еще одно. В худшем — убеждения наставника и все, что он проецирует на подопечного, принесет ребенку непоправимый вред.

Миф №3. Сироты — затворники.

Дети в детских домах — маленькие заключенные. Они закрыты в системе с безразличными воспитателями-надсмотрщиками, мира не видят, а система бездушна и жестока.

Реальность: система бездушна, но в ней работают люди, которые искренне любят детей. Сотрудники, которые не хотят «включаться», обычно в детских домах не задерживаются. Свободы нашим ребятам действительно не хватает, особенно в переходном возрасте, но для них организовывается огромное количество мероприятий и событий, которые позволяют привыкать к большому миру, адаптировать к его правилам и чувствовать себя его частью.

Опасность: наставник, который уверен, что его подопечный заперт в детском доме, как правило, крайне негативно настроен к воспитателям и персоналу. Если из своих убеждений о том, что в учреждении ребенок живет, как в аду, взрослый становится приемным родителем и забирает подопечного насовсем, то риски для подростка минимальны. Но если наставник навещает ребенка в системе и регулярно говорит о ней плохо, подростку становится сложнее жить в ней.

Миф №4. У сирот нет родителей.

Дети в детских домах — круглые сироты, их папы и мамы умерли. Родственники не согласились взять ребенка под опеку, и он не поддерживает контактов с кровной семьей.

Реальность: Большая часть воспитанников детских домов — социальные сироты. Их родители лишены родительских прав, потому что не справились со своими обязанностями, но дети продолжают поддерживать с ними связь. Почти все дети любят своих родителей и с мало-знакомыми людьми говорят о них только в позитивном ключе.

Опасность: если наставник не готов к мысли о том, что в жизни ребенка есть место для кровных родителей, их появление может стать настоящим шоком. Такие вещи лучше знать заранее, чтобы не выдать при ребенке спонтанную реакцию, которая может ранить.

КТО ЧАЩЕ ВСЕГО СТАНОВИТСЯ НАСТАВНИКОМ?

Давайте честно: никто из волонтеров не становится наставником только из интересов будущего подопечного. А если и становится, то такой мотивации надолго не хватает. Чаще всего у человека, который вступает в программу, есть своя потребность, которую он реализует, общаясь с ребенком. Мы создали классификацию наставников, исходя из их мотивов.

1. Спасатель

Идет в наставничество с ощущением, что его опыт может существенно изменить жизнь подопечного. Ему важно быть полезным и направлять, иногда — брать на себя больше ответственности, чем нужно. В работе может склоняться к тому, чтобы подсказывать решения вместо того, чтобы помогать искать их самостоятельно.

2. За компанию

Оказывается в наставничестве во многом благодаря окружению — коллегам, друзьям или партнеру. Внутренняя мотивация может быть не до конца оформлена, но при этом он включается в процесс и поддерживает подопечного. Его вовлеченность часто зависит от внешнего контекста и среды.

3. Родитель

В основе желания стать наставником лежит личный опыт, связанный с родительством или его отсутствием. Наставничество становится способом реализовать потребность заботиться, поддерживать и передавать опыт. Такой наставник может быть очень внимательным к подопечному, но иногда излишне вовлеченным эмоционально.

4. Энтузиаст

Идет из интереса к теме и желания делиться тем, что ему самому важно. Взаимодействие с подопечными строится на энергии, любопытстве и искренней включенности. Может уделять больше внимания процессу и идеям, чем формальной структуре.

5. Имиджмейкер Рассматривает наставничество как часть профессионального позиционирования. Для него это способ закрепить экспертность и расширить влияние. При этом он может выстраивать работу с подопечным так, чтобы она соответствовала его образу и репутации.

Если вы ищете себя в описаниях и не находите, не удивляйтесь: у каждого наставника может быть не одна, а несколько мотиваций, которые тесно переплетаются между собой и плохо поддаются объяснению. Несмотря на то, что какие-то причины вступления в программы кажутся более благородными, а какие-то скорее эгоистичными, они все приемлемы. Есть ряд мотиваций, которые фонды отмечают «негативными», но об этом чуть позже. Сначала мы расскажем вам сказку, которую придумал о начинающих волонтерах выпускник детского дома.

Злая сказка от Глеба о волонтере, который ожидал слишком много

Когда узнал, что моя подруга собралась вести занятия журналистикой в детском доме, из которого я выпустился, чуть не до слез смеялся. Она до этого ездила в школу-интернат в Подмоскowie с программой обучения и думала, что с этими детьми тоже пройдет отлично. Я представил себя на ее месте: как приду с беседой про жанры новостей, как предложу журнал делать. Только представил без иллюзий, а с учетом реалий детского дома, о котором идет речь. Потом записал это, и вышло так:

«Глеб, как и обещал, приехал в 12-й детский дом. Охранник на входе недружелюбно бросил: «Паспорт». Молодой человек протянул ему свой документ и после короткой процедуры сверки личности прошел в актовый зал. Предварительно Глеб договорился с директором и попросил собрать ребят, но в небольшом помещении сидело всего человек десять. Невыспавшихся детей воспитатели явно согнали сюда в последний момент. На появление незнакомца они не отреагировали.

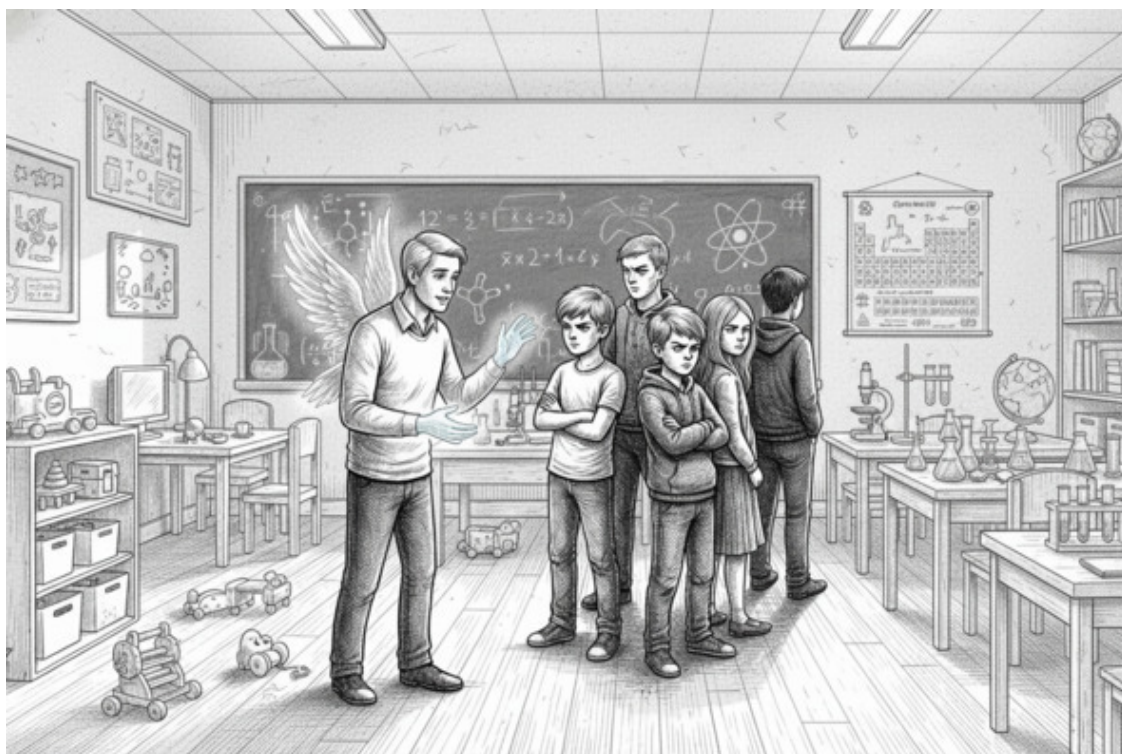
— Ну что, ребята, хотите узнать чуть больше о журналистике!? — с воодушевлением начал Глеб.

В зале повисла неловкая пауза, которую прервал развязного вида подросток лет пятнадцати: «Я хочу покурить». Бросив фразу, парень вышел в коридор. За ним последовало еще несколько ребят. Оставшиеся по-прежнему не выказывали к новичку никакого интереса и продолжали сидеть в телефонах. Примерно так прошла встреча-знакомство, на которую Глеб возлагал большие надежды.

Прежде, чем сесть писать отчет о занятии, Глеб зашел в магазин разливного пива и взял себе четыре литра самого дешевого, отдающего кислятиной. Заедал пенное молодой человек такими же дешевыми сухариками, которые долго ждали своего часа под пыльным прилавком.

«К такому Марина Ивановна меня не готовила», — с грустью подумал парень, вспоминая лекции любимой преподавательницы по детской журналистике, которая вдохновенно рассказывала, что будущее маленьких детдомовцев можно спасти правильно подобранными словами в адаптированном для них журнале».

Ну что, наставники, понравилась моя сказка? Желаю вам поскорее встретить сироток, которые сделают ее вашей реальностью! Ха-ха! Да нет. На самом деле я желаю подросткам поскорее встретить вас. Потому что им это совершенно точно нужно. Теперь говорю без шуток. По своему опыту.

Глава 2

Откуда берутся дети?

Откуда берутся дети? Когда такой вопрос задают родителям их собственные малыши, бывает непросто подобрать слова. Тема деликатная. Вот и начинаются истории про аистов и капусту. Я через этап вопросов о зарождении жизни с сыном уже прошел, и признаюсь, это было намного проще, чем объяснить, откуда дети берутся в детских домах. Эта тема еще более сложная и деликатная, только вот никакие пестики и тычинки в ее раскрытии не помогут. Давайте попробуем поговорить об этом. И начнем с мысли, которая не всегда очевидна:

*За каждым попавшим в детский дом ребенком стоит трагедия
целой семьи.*

Из-за обстоятельств, которые по какой-то причине не удастся преодолеть, мама и папа оказываются неспособными воспитывать ребенка. В моей практике чаще всего встречались следующие примеры:

1. Родителей лишают прав из-за неспособности обеспечивать безопасность и уход. В том числе из-за хронического алкоголизма и других несовместимых с родительством привычек, уклонения от обязанностей или жестокого обращения с детьми.

2. Родители не выполняют свои обязанности, не обеспечивают уход из-за собственной несостоятельности: они тяжело болеют или живут за чертой бедности и не могут обеспечить детей даже самым необходимым.

3. В семье не могут ухаживать надлежащим образом за ребенком, у которого серьезные заболевания или инвалидность. Либо финансово, либо психологически тяжело дается воспитание детей с особенностями развития. Нередко от малышей с серьезными диагнозами отказываются еще в роддоме.

4. Нестандартные семейные обстоятельства: сложные разводы, тюремные заключения родителей, долгие госпитализации и другие ситуации, в которых органы опеки принимают решение о помещении ребенка в приют. Если проблемы успешно устраняются, ребенок возвращается домой.

Сейчас, кстати, набирают обороты программы ресурсного замещающего родительства. Их выпускники могут взять в свою семью ребенка, чтобы тот незнакомился с атмосферой центра временного содержания, и спокойно дождался решения вопросов своей кровной семьи в домашних условиях.

Обычно в детских домах живут социальные сироты — ребята, у которых по факту есть родители и даже связь с ними. Бывает и, что оба родителя умерли, а ребенок остался истинным сиротой. Но если семья была хорошей, то чаще всего таких детей забирают на воспитание родственники. В школы приемных родителей регулярно приходят тети, дяди, братья и даже крестные, чтобы получить необходимый пакет документов и забрать под опеку детей погибших друзей или родственников.

Когда анамнез ребенка осложнен обстоятельствами в виде алкоголизации или девиантным образом жизни родителей, с ним подобных чудес не происходит. После изъятия из семьи ребенок отправляется в больницу, затем в приют и в детский дом.

Предлагаю остановиться на этапе изъятия, потому что момент, в который ребенок физически покинул семью, всегда становится травмирующим психику событием. Иногда наши ребята не помнят в силу возраста или «забывают», как их забрали от мамы, но это не значит, что травмы в этом месте нет. Если ребенок на момент изъятия был взрослым, скорее всего,

«забытая» травма настолько серьезная, что вытеснялась защитными механизмами психики. А если был маленьким и не пропустил происходящее через сознание, то приобрел довербальную травму, которую даже опытным психологам с трудом удается «вытащить» и проработать, чтобы не мешала полноценной жизни во взрослом возрасте.

Арсений, выпускник детского дома

«Меня не изъяли, а отправили в приют из полиции. Моим опекуном была бабушка, и к моим четырнадцати она уже была вся на нервах: постоянно из опеки звонили, из школы, из ПДН — все говорили, что она со мной не справляется. Так и было, возраст у нее был уже не тот, чтобы с ремнями и скакалками за мной бегать. Ну, я ей и сказал: «Бабуля, сдай меня в детдом». Кто же знал, что она так и сделает?

Меня отвезли в больницу, где проверяют на вшей, кровь берут, а потом — в наркологический центр. Там я почти три месяца провел в изоляторе, потому что у них была какая-то балльная система, и меня это бесило. Там правила такие: у каждого пацана своя тетрадка, и туда надо стихи переписывать. Переписал — получил 5 баллов. Если ты ничего не делаешь, и у тебя минус 25—30 баллов, ты отправляешься в изолятор.

Я стабильно уходил в минус, потому что с начальной школы ничего не писал. Сидел в этом изоляторе, жрал таблетки, пока не пересилил себя и не переписал все-таки какой-то стих. Но я только поднялся к ребятам, поздоровался, потерял баллы и пошел обратно в «одиночку». Помню, мне даже интересно было, что такое детдом, но вот такого я не ожидал».

К сожалению, печальные истории про приемное родительство, в которых фигурируют подросток и пожилой родственник — классика жанра. Именно при обстоятельствах, когда здоровье опекуна дает сбой, а гормоны ребенка дают жару, происходит довольно много добровольных отказов от опеки.

Такие подростки приходят в детский дом с очень тяжелым ощущением. Его можно условно назвать «потерянный Рай»: нормальная любящая семья была, но она не справилась с проявлениями подростка.

Но все-таки гораздо более распространенная ситуация для ребенка в детском доме — «ад за плечами», при которой осуществляется изъятие органами опеки.

Виктор, выпускник детского дома

«В моем случае в опеку обратилась соседка и сказала, что рядом живет неблагополучная семья. Когда в дверь позвонили, мы с братом кипятили воду на газовой плите для кофе. Брат пошел открывать, я — за ним. Но на пороге не друзья родителей или соседка, которая нас водила к себе кушать, как обычно, а два полицейских и какая-то женщина. И все серьезные. Сразу шок, страх. Мне на тот момент было лет пять, а брат чуть старше. Мы вообще не поняли, что происходит.

Нас спросили, где родители, мы ответили, что спят вместе с гостями. Тогда женщина пошла в комнату и долго ругалась с мамой, папой, пыталась их разбудить, как-то растолкать. Я до сих пор помню, как выглядел пакетик с растворимым кофе, который мы пытались приготовить тем утром, но абсолютно не помню, что было дальше. Кто что говорил, что родители делали — полный провал в памяти, просто пустота.

Думаю, мы с братом плакали. Наверно, не хотели уходить. Возможно, сопротивлялись. В итоге полицейские просто выволокли нас из квартиры и посадили в машину, а женщина (потом выяснилось, что это была начальница отделения опеки) села на зад-

нем сиденье между нами. Нас куда-то везли. Самым ужасным было то, что с нами вообще не разговаривали. Хотя мы бы, наверно, и не поняли, если бы попытались объяснить — в таком шоке пребывали.

Это все было похоже на задержание преступников или похищение. В какой-то момент мы с братом переглянулись и решили сбежать. Я про себя досчитал до трех и, когда брат кивнул, попытался открыть дверь машины, чтобы выпрыгнуть на ходу. Но не вышло, потому что женщина из опеки закричала, схватила нас обоих за руки и потянула к себе.

Всю поездку я испытывал какой-то животный ужас, никогда его не забуду. Когда ты орешь, плачешь, и у тебя внутренний вот этот выброс адреналина идет, ты вообще ничего не соображаешь. Ничего. Дело даже не в том, что от мамы забрали, и это пугает — мы всегда были предоставлены сами себе, родители нами не занимались.

Это не было переживанием из-за разлуки, это был страх неизвестности. Мне пять лет, я понятия не имею, что такое органы опеки и что с моими родителями что-то не так. Может нас вообще убивать везут, кто знает? Я не знал».

Стоит отметить, что решение об изъятии принимается не «на всякий случай», а тогда, когда риск негативных последствий невмешательства слишком высок. Каждая ситуация рассматривается отдельно. Учитывается возраст ребенка, его состояние, условия жизни и поведение взрослых рядом с ним. Конечно, процедуру изъятия невозможно провести легко. Чрезвычайно редко дети позитивно принимают подобные инициативы, почти каждый раз инспекторы сталкиваются с активным сопротивлением и даже физической агрессией со стороны детей на этом этапе.

У меня была коллега, которая искренне возмущалась тому, что ее до крови укусила девочка-подросток, когда она забрала ее у матери, ведущей неправильный образ жизни. И никакие доводы инспектора не казались ей вескими, она сопротивлялась изо всех сил. Это, к сожалению, тоже «классика» нашего жанра.

Павел Николаев, специалист детского дома

«Когда я работал в приюте, появилась тенденция бороться за кровную семью до последнего. Мы иногда получали очень интересные рекомендации «сверху». Например, такие: «Приходите в семью и видите, что мать с отцом пьяные в смерть? Налейте им чаю с лимоном, расскажите, как правильно». Представляете, как такое реализовывать на практике? Это мог придумать только человек, который сам никогда на выездах не был.

А я бывал часто. Однажды у нас из приюта сбежала девочка. Мы с коллегой, как самые опытные, поехали искать. Сели в машину и отправились к матери. Поднимаемся, звоним в дверь. Никто не выходит, но дверь открыта. Мы переступаем порог без приглашения.

Запах аммиачный, очень яркий, даже дышать сложно. Кругом антисанитария, какую описать словами нельзя. Проходим в комнату, сидит наша девочка. Мы ее спрашиваем, где мама, а она показывает на кучу тряпья у балкона. Я хотел посмотреть, может, мама на балконе стоит курит, но только сделал шаг, а куча тряпья зашевелилась, и оттуда голос: «Я вам дочь не отдам, пошли вон из моей квартиры, а то встану и сама вас выгоню!»

Она бы и выгнала, только вот встать не смогла, так и кричала из кучи мусора. А рядом с ней — такой же ком — собутыльница. От чая с лимоном и педагогической

беседы, как вы понимаете, дамы отказались. Нам пришлось вызвать полицию, чтобы забрать свою девочку. Даже вот от такой матери она не хотела уходить добровольно».

Сейчас работа органов опеки направлена на сохранение семьи. С родителями, которые попали в сложную жизненную ситуацию, много общаются, стараются помочь поднять свой уровень жизни и компетенции. Ситуации, в которых представители опеки впервые пришли и тут же забрали ребенка — большая редкость. Если так произошло, то сотрудники увидели что-то за гранью добра и зла — обстановку, в которой ребенку смертельно опасно оставаться даже на день.

В таких случаях ребенка забирают в центр временного содержания, а с родителями проводятся встречи, консультации. Иногда на этом этапе подключаются благотворительные фонды, которые помогают сделать ремонт или докупить необходимое для детей, проводят психологические мастер-классы и тренинги. И если родители заинтересованы в возвращении ребенка и делают все необходимое для того, чтобы обеспечить ему достойное существование, семья воссоединяется. Но так, к сожалению, бывает нечасто.

Виктор, выпускник детского дома

«В приемнике-распределителе было прямо страшно. Худшее, что со мной случилось в жизни. Мы приехали поздно вечером, нас сразу грубо раздели и отправили спать. В комнате, о господи, человек двадцать детей, а в углу стоит цинковое ведро, в которое ночью нужно ходить вместо туалета. Пока слушал, как его кто-то использует по назначению, я пытался заснуть, надеясь, что это все страшный сон, и он завтра закончится.

Но утром кричат: «Просыпайтесь!». Ты открываешь глаза. Рань. Свет какой-то слишком яркий. Ты не понимаешь, что происходит. Опять. А потом начинает доходить, что кошмар не закончился. Это новый день, опять ты в этом месте, нет родителей, нет соседки. И все куда-то идут, ты идешь за ними. Все начинают умываться, ты тоже начинаешь умываться. Все идут есть. Ты идешь есть. Все идут на построение. Ты идешь на построение. Получаешь там за то, что болтаешь и криво стоишь. Идешь со всеми обедать.

Это было очень похоже на тюрьму, с нами плохо обращались. Не хочу в подробностях. Это было давно. Надеюсь, сейчас все изменилось, и в приютах уже нет подобного. Мы с братом прожили там недели три. Потом пришел какой-то сотрудник и сказал, что открылся новый хороший детский дом, и одного из нас прямо сейчас можно отвезти туда, а второй останется в приюте ждать другое место. Он предложил нам выбрать, кто едет, хотел, чтобы мы как-то сами договорились. Мы с братом переглянулись и начали рыдать.

Сотрудник пытался нас успокоить, но это было невозможно. Тогда он наорал на нас и ушел. Надолго. А мы все плакали и плакали. У меня никого, кроме брата, на свете не было. Сколько я себя помнил, он всегда был рядом, а я делал, как он.

В голове не укладывалось, что сейчас мы должны разлучиться: и плевать даже, кто уедет в хороший детский дом, а кто останется в плохом приюте — для меня без брата оба варианта были катастрофой. В итоге в детском доме нашлись два места, и мы жили вместе вплоть до выпуска. Но до сих пор едва сдерживаю слезы, вспоминая день, когда проревел несколько часов подряд, представляя, как потеряю еще и брата».

Эти воспоминания даже читать больно. И почти у каждого ребенка с сиротским опытом есть такие истории. Факты и события могут отличаться, но их объединяет то, что это эмоциональные до предела рассказы, которые физически невыносимо слушать.

К моменту, когда ребенок оказывается в детском доме, у него уже вагон и маленькая тележка травматического опыта, который психика может перерабатывать по-разному. Кто-то замыкается, кто-то ведет себя агрессивно. Кто-то отказывается строить новые отношения в принципе. Кто-то бросается с поцелуями и рассказами к любому, кто распахнет объятия. Кто-то сравнительно легко справляется с ситуацией и ведет себя в пределах общей нормы.

Но у всех детей, переживших разрыв с родителями, есть особенности, которые влияют на то, как они выстраивают контакт с миром и окружающими. От того, насколько наставник учитывает этот фактор, зависит успех взаимодействия.

Я расскажу о том, где будущие наставники черпают знания о детях, в следующей главе. Она будет довольно длинной, но в эмоциональном плане более простой, чем эта. Так что выдыхайте. Сразу после сказки будем знакомиться с наставниками.

Сказка про опыт, который невозможно зачеркнуть

Жила-была девочка, которая все время находилась в тумане. Туман появился не сразу. Сначала это были легкие облачка — после неприятных слов, после обид, после дней, когда никто не приходил и никто не ждал. Облачка собирались вокруг нее и не спешили уходить.

Со временем их стало больше. Туман густел. Он закрывал дорогу вперед. Он приглушал голоса людей. Он делал мир одинаковым — серым, влажным и тихим.

Иногда сквозь туман пробивалось солнце. Кто-то говорил доброе слово. Кто-то протягивал руку. Но девочка уже плохо видела такие вещи: туман делал их далекими и расплывчатыми. А вот плохое в тумане было видно хорошо. Плохие слова звучали громче. Плохие воспоминания находили дорогу быстрее. Иногда девочка пыталась ускорять шаг, чтобы выбраться из морока. Но чем быстрее она шла, тем сильнее сбивалась с пути.

Однажды она заметила странное: когда она останавливается и просто дышит, туман становится чуть прозрачнее. Ненадолго. Не полностью. Но достаточно, чтобы увидеть дорогу на несколько шагов вперед.

И тогда девочка решила, что она не обязана сразу выйти на свет. Иногда достаточно просто идти, видя путь на три шага. Потому что даже самый густой туман никогда не бывает вечным.

Глава 3

Откуда берутся наставники?

Откуда берутся дети в системе, мы разобрались. Самое время выяснить, откуда рядом с ними берутся наставники. В благотворительном фонде «Арифметике добра», когда я там работал, система отбора наставников была многоступенчатой.

Первый этап — анкетирование и мотивационное письмо, в котором необходимо описать свой опыт. В анкетах мы спрашивали, что привлекает в наставнической деятельности, что хочется получить от нее, какое семейное положение у кандидата, есть ли свои дети, сколько времени готовы уделять взаимодействию с подростком. А также добавляли вопросы про род деятельности, хобби, образование и представления о том, как конкретно человек планирует помогать ребенку и каким себе его представляет.

Я всегда был крайне придирчив к «первому отборочному туру», скажу сразу. Грубо говоря, из ста желающих пройти обучение, на старте «отсеивал» человек тридцать. Основными критериями были:

- **Возраст.**

Сразу «отпадали» слишком юные кандидаты: бывало, что приходили заявки от ребят, которые сами едва перешагнули рубеж совершеннолетия, но младше 25 лет волонтеров мы никогда не искали, это и на сайте прописано. Никакого эйджизма, но правда. Нашим детям в рамках программы нужно было подобрать значимого взрослого, подруг и друзей они всегда находили сами.

- **Мотивация.**

Понятно, что мы никогда не оценивали мотивационное письмо по узким критериям, как в школе на уроках русского: четыре ошибки — двойка, ребенка не получишь. Это не тот формат, где можно руководствоваться четкой схемой. Но есть очевидные «красные флаги»: мы не приглашали к обучению по программе наставничества дядечек, которые обозначали ярое желание познакомиться с девочкой-подростком. Процент мужчин среди наставников очень невысок, и мы стараемся ставить их в пару с мальчиками, которым особенно важна для формирования личности мужская фигура. Когда кандидат выступает категорически против такого развития событий и настаивает, что будет наставником именно для девочки, это уже подозрительно. Мы таким историям ход не давали.

Случалось, что прямо по письму видно, что человек находится в кризисном состоянии. Тогда мы просили повременить с участием в программе кандидатов, которые пережили серьезные потери или личные потрясения в недавнем прошлом. Тут дело не в дискриминации по принципу проживания горя, а в том, что к нашим ребятам важно идти в ресурсном состоянии. Если ты на каком-то этапе выводишь жизнь на честном слове, он не благоприятен для того, чтобы знакомиться с подростком-сиротой.

Однажды мы получили анкету женщины, потерявшей сына в аварии несколько месяцев назад. Она хотела стать наставником для мальчика. Мы не решились брать ее в программу. Тем людям, анкеты которых не подошли, мы просто не присылали приглашения на обучение. И практически никогда не получали повторных анкет или звонков по этому поводу. Почему? Как раз, потому что мотивация была неустойчивая — как эмоциональная реакция на случайное объявление: стало жалко сиротку — подал заявку, не перезвонили — забыл.

Но вот случай с женщиной, о которой я рассказываю, уникален. Мы не выслали ей приглашение, но она все равно пришла на очную встречу. Наверно, это был единственный раз, когда мне пришлось прямо говорить о том, что обучение предложить сейчас не можем. На

первый взгляд, ее мотивация отдать тепло сироте кажется понятной и простой. Более того, у нас в культуре есть идея о том, что один ребенок может помочь пройти через утрату другого. Знаю случаи, когда родителям, пережившим смерть сына или дочери, прямо советовали переключить внимание на другого ребенка в семье, а если его нет, то взять приемного. Но такие советы, конечно, давали не в школе приемных родителей и не в школе наставников.

Пытаться заменить приемным подростком с тяжелым прошлым кровного погибшего ребенка — очень плохая идея. Она фатальна для всех: для взрослого, который не может прожить свое горе бережно и будет постоянно «раниться» о травмированного подростка, и для ребенка, который, имея опыт отвержения, оказывается в ситуации, где он не может оправдать возложенные на него ожидания. Очень больно всем участникам процесса.

И часто бесперспективно. Из таких отношений выходят, как правило, быстро и очень фрустрированными. Поэтому в школах приемных родителей и в школе подготовки наставников категорически не рекомендуют кандидатам знакомиться с ребенком из детского дома после серьезных потерь. Любое серьезное событие, которое влияет на восприятие реальности — повод повременить.

Синдром опустевшего гнезда тоже может быть тревожным фактором, но это не всегда критично. Нужно смотреть, как человек взаимодействует, насколько он осознан. Лично я при чтении анкет обращал внимание на эмоционально размытые формулировки в духе «хочу творить добро». Почему? Сегодня хочется спасти мир, а завтра не выспался, и уже не готов вкладываться. Такой мотивации обычно недостаточно, чтобы остаться в отношениях с подростком, который не всегда будет вести себя идеально. Даже больше — почти всегда будет вести себя неидеально.

Много еще таких подводных камней можно обнаружить на первом же этапе «входа» в программу наставничества. И я задавался целью их искать. Не из-за «синдрома вахтера», а в целях экономии времени и ресурсов волонтеров и команды фонда.

***Наставничество подходит далеко не всем, и это важно понимать.
Нет ничего зазорного в том, чтобы узнать о программе подробнее и не
захотеть в это погружаться.***

Существует миллионы других способов творить добро и помогать сиротам. И речь не о конфетах на новый год или денежных пожертвованиях. Есть еще вариант проводить мастер-классы, быть репетиторами, отдавать в пользу наших ребят мебель при переезде. Это все важно и нужно. Но именно наставничество предполагает глубокий контакт с одним конкретным подростком. И это очень ответственно.

Идея в том, чтобы стать для непростого ребенка с травматичным опытом значимым взрослым. Это требует терпения и отдачи. И мы не имеем права приглашать на такую важную роль в жизни ребенка любого, кто захотел. Не все волонтеры могут позволить себе глубокий и долгий контакт с чужим подростком. Это нормально и абсолютно не стыдно. Но нам важно вычислить тех, кто может, и дать им тот багаж знаний о наших детях, который поможет выстроить взаимодействие.

Сейчас я озвучиваю не позицию конкретного фонда. Это общее правило для всех программ, которые занимаются формированием наставнических пар. Времена, когда детские дома ждали гостей с распростертыми объятиями, лишь бы пришли, остались позади.

Сейчас в любой организации, которая работает с сиротами, есть отбор волонтеров, которые попадают к детям. Не дай бог, «проскочет» в наставники какой-то слишком специфический человек или с какой-то целью нехорошей. Для фонда и детского дома риски слишком высоки, поэтому одним анкетированием и письмом, понятное дело, ограничиваться нельзя. Что же дальше? Следующий этап!

Команда психологов предоставляет волонтерам, успешно прошедшим анкетирование, теоретические материалы и проводит тренинги. На этих этапах мы тоже внимательно наблюдаем за кандидатами.

Я на тренингах во время работы в фонде присутствовал постоянно. По официальной версии для того, чтобы подготовить помещение и выполнять организаторские обязанности. Но по факту в ходе тренинга я, как человек из системы детского дома, обращал внимание на такие нюансы, которые не всегда были очевидны ведущим. Мог ответить на вопросы участников по жизни детского дома и каким-то правилам. А потом мы с психологами садились обсудить, какие сложные моменты для кандидатов, на что и на кого обратить внимание. Как ведущие работают с будущими наставниками и на что психологи обращают внимание, расскажу в следующей главе, а пока послушайте сказку.

Сказка про мальчика, который ревновал всех ко всем

Жил был на свете мальчик. И его никогда не выбирали: любимые взрослые не обращали внимания, друзья предпочитали играть с другими, важные решения принимались без него. Даже опекой, которая, вроде, действовала в интересах ребенка. Мальчик чувствовал себя невидимкой, и это было очень страшно.

Любое внимание, которое доставалось не ему, мальчик воспринимал как угрозу существования. Он видел, как его наставник заходит в комнату и здоровается со всеми, а живот начинало крутить от тревоги, ладони становились мокрыми и склизкими. Желание ударить друга, который показывает ЕГО взрослому свои игрушки, было настолько сильным, что мальчик закусывал губу до крови, лишь бы сдержаться. Если наставник увидит, какой он задира, то точно выберет кого-то другого.

Мальчик проходит через всю комнату медленно и почти надменно, садится напротив наставника так, чтобы заслонить друга, и начинает рассказ про свои игрушки.

— Подожди, я не дослушал. «Не надо перебивать других», — говорит наставник, слегка хмурит брови, делая замечание, и поворачивается к другому ребенку. — Пожалуйста, закончи мысль.

Глаза мальчику застилает туман.

Вот и все. Он растворяется. Его снова не выбрали. Он не нужен. Минус еще один взрослый. Это не просто грустно, а обидно до испепеляющей ярости. Все понятно. Про всех. Большие нет смысла сдерживаться.

Мальчик вскакивает на ноги и кидает свои машинки прямо в лицо конкуренту. Пусть подавится! И игрушками, и вниманием, и наставником!

— Раз ты так себя ведешь, не выходишь в общую комнату! — доносится голос воспитателя. — Думаешь, раз гости пришли, то все можно?

Мальчик добегают до спальни, громко топая ногами и едва сдерживая слезы. Опускается на край кровати в попытках выровнять дыхание.

В комнате тихо. Мальчик сидит, кулаки сжаты, а сердце колотится. В нем болью отзывается каждый раскат смеха детей и голос наставника. Им весело. Им хорошо без него. Мальчик не успевает погрузиться в эти чувства. Дверь тихо скрипит.

— Ты тут? — робко спрашивает мальчик, подняв глаза на наставника.

— Конечно, тут. Я же пришел именно к тебе.

Непонятно, радоваться или злиться. Только одно ощущение пробивается сквозь тревогу: меня видят.

Глава 4

Чему учат наставников?

Один из самых популярных вопросов про обучение наставников — «Чему там учиться?». Особенно часто его задают, если среди кандидатов есть опытные мамы или выпускники школы приемных родителей. Да, курс для наставников — это не высшая математика сиротства, но базовая информация о детях, с которыми предстоит познакомиться. И броситься навстречу подростку с травматическим опытом, не имея ее на подкорке — большой риск.

Первое и самое важное, что нужно учитывать: опыт родительства не релевантен опыту наставничества.

Звучит ужасно, но это правда. Даже если успешно воспитали дюжину кровных детей, это не значит, что вы будете успешным наставником. Если вы заслуженный педагог и преподаватель вуза, который умеет раскладывать по полочкам очень сложный материал, это не гарант того, что роль наставника дастся вам легко. Не потому, что эти умения без надобности, а потому что их может оказаться мало.

Каким бы ресурсным и классным человеком вы ни были, в вашем наставничестве будет второй человек — подросток. И он, скорее всего, испортит всю малину. Как именно он это сделает и почему так поступит? Вот попыткам ответить на эти вопросы и посвящены занятия большинства школ наставничества.

На обучении мы даем и довольно жесткий материал: специфику детей из системы, особенности поведения, часто встречающиеся проблемы, темы здоровья. У нас нет цели запугать или отпугнуть кандидатов. Нам важно посмотреть, как человек воспринимает информацию. Многие приходят с каким-то образом ребенка из детского дома в голове (вернитесь к главе с мифами, если нужна конкретика), и оно в большинстве случаев ошибочно. Если волонтер не готов столкнуться с реальностью и адаптироваться под нее — это тревожный сигнал.

Например, на одном из тренингов у нас была женщина, которая очень хотела помочь подростку. Но «творить добро» была готова только так, как она считает правильным, а не так, как это реально полезно.

Мы ей: «Поступление в институт — это хорошо. Но в программе есть дети с умственной отсталостью. Таким ребятам ориентир на получение „вышки“ не нужен. Они такую планку не вытянут».

Она нам: «Диагноз можно снять! Это все гипердиагностика, которая часто встречается в детских домах. Наверно, это ЗПР. Наставник должен помочь снять диагноз, а потом навестить программу и поступить в институт!»

Мы ей: «Не всем детям нужен институт. Дети с умственной отсталостью учатся по специальным программам и получают рабочую специальность. Наставник ребятам нужен для иных целей. Помогают с поступлением другие программы фонда».

Она нам: «Тогда наставник должен помочь ребенку попасть в другую программу фонда, чтобы поступить! Без высшего образования сейчас никуда!»

Занавес. Поймите меня правильно, ничего против высшего образования не имею. Сам с интересом его получил и с успехом использую, в том числе при ведении тренингов и написании этой книги. Но это не обязательный пункт для каждого человека. Если домашние дети еще как-то справляются с установкой родителей о необходимости вуза, то «системные» дети такого напора не выдерживают.

Даже если у подростка нет проблем с интеллектом, его далеко не в первую очередь беспокоит вопрос образования и будущей карьеры.

Так мир устроен, что ребята до определенного момента больше интересуются трендами, собственной личной жизнью, хобби, тусовками в компании. Это база возрастной психологии, и ее не перестроишь. И дело не в том, что подросток ленивый или безынициативный. Просто у периода пубертата очень много других задач. Согласитесь, когда у тебя безумно болит голова, обычно мало интересует, насколько хороша в данный момент укладка волос. Когда ты изо всех сил пытаешься быть очень крутым и найти свое место в компании, тебе не до мыслей о будущей карьере. У тебя здесь и сейчас слишком много важных задач. Если еще и о будущем параллельно беспокоиться, можно с ума сойти. Психика отсекает лишнее — и, к неудовольствию взрослых, этим «лишним» для подростков чаще всего становится учеба.

Поэтому мы рекомендуем волонтерам не ставить себе целью заставить подростка поступить куда-либо. Если ребенку, который сам по каким-то неведанным причинам не горит мыслью во что бы то ни стало стать абитуриентом престижного института, «попадется» такой идейный наставник, то пары не выйдет. А вариант, при котором взрослый пришел и начал «снимать» ребенку с легкой умственной отсталостью реальные диагнозы, это вообще катастрофа. Такой подход очень опасен и для жизни подростка, и для репутации фонда.

Просто представьте на секунду: Вы подросток. К вам пришла прекрасная женщина, которая в вас очень верит. Сказала, что все диагнозы липовые, и вас ждет очень светлое будущее. Если не получить высшее образование, то без шансов. А у вас шанс есть! Надо просто пройти независимую экспертизу, «догнать» программу и готовиться к поступлению.

Вы поверили. Пошли на комиссию, а там были очень сложные вопросы. Прямо непостижимо сложные. И вы не справились. Прекрасная женщина пришла снова, но уже очень разочарованная. Сказала, что вы, похоже, все-таки дурачок и никуда не поступите. Непонятно, как будете дальше жить и чем женщина может помочь.

Светлое будущее отменяется. Живите, как хотите. И без наставника, потому что... ну вы поняли. А если не поняли, то диагноз в очередной раз подтвердился.

Как ощущения? Это риторический вопрос. Очевидно, что ни один ребенок не должен испытать ничего подробного. Поэтому ключевая задача ведущих и наблюдателей на тренинге — убедиться, что все будущие наставники правильно понимают свои задачи и находятся в тесном контакте с объективной реальностью.

Даже из самых добрых побуждений можно наворотить такого, что не разгребет потом армия психологов. Нельзя допустить, чтобы в близком контакте с ребенком оказался человек, который будет вредить. Эта ровно та идея, которую мы пытаемся донести до волонтеров до того, как они впервые встретят ребенка. И если это получается, то шанс на успех пары в будущем очень высок.

Мне дорога обратная связь от людей, прошедших обучение и применивших все знания на практике. С вашего позволения с этого момента буду периодически приводить примеры и реплики наставников, которые согласились поделиться своим опытом. Это прямая речь людей, ставших значимыми взрослыми для наших детей. И если вы ищете в этой книге вдохновение или взгляд изнутри на проблему сиротства, обратите внимание на текст, выделенный курсивом.

Настя, наставница девочки и выпускницы

Когда я проходила онлайн-обучение, для меня очень важной стала мысль о том, что мы должны думать о потребностях ребенка, потому что у него и так слишком мало взрослых, которые их закрывают. И речь даже не материальных потребностях, а об эмоциональных, моральных, человеческих.

Когда на очном тренинге кто-то говорил: «Я хочу стать наставником, чтобы объяснить детям, как правильно жить», у многих из нас внутри все сжималось. Это вызывало бурю эмоций. Возможно, мысль была искренней. Но мы реагировали резко. Потому что чувствовали: это неправильно. Наставник не должен закрывать свои потребности через ребенка. Его задача — прежде всего помогать освоиться, поддерживать, а не влезать в роль учителя жизни. Да, наставник может научить оформить документы, подсказать, как устроено что-то во взрослом мире... но это не главная цель. Главная — дать тепло, которого ребенку не хватало.

На очных тренингах с волонтерами мы разыгрываем ситуации, с которыми можно столкнуться в наставничестве. Причем берем мы их, по большей части, из реальных кейсов. И эта часть обучения неизменно производит на участников сильное впечатление. Задания периодически меняются, но ключевой момент остается: мы просим поставить себя на место ребенка и из этой роли прожить какие-то ситуации, например, потерю семьи и встречу с наставником.

Несмотря на то, что мы только «играем», у большинства волонтеров поднимаются очень сильные чувства. Важно понять их и запомнить. Мы рекомендуем наставникам опираться на этот опыт, когда появится необходимость понять какие-то поступки или слова ребенка.

А еще именно на тренинговых заданиях у волонтеров появляется возможность пообщаться между собой и сблизиться. На самом деле мы всегда очень болеем за поддержку наставниками друг друга и формирование мини-сообществ внутри групп обучающихся. Не с любой проблемой наставник пойдет к куратору или воспитателю, а вот к другому наставнику, который переживает нечто похожее и поддержит — вполне.

Настя, наставница девочки и выпускницы

«На тренинге мы поделились на группы. Один — ребенок, второй — наставник. Не помню точно, как моя роль была сформулирована в задании, но помню, что была тем самым ребенком, который отвечает односложно: „Нет“, „Нормально“, „Ну ладно“. Я в этой роли специально выстраивала максимально сложный диалог — коротко, сухо, будто со стеной разговаривают. А наставница все равно пробивалась. Она пыталась и так, и эдак... подбирала вопросы, искала крючочки, пыталась зацепить хоть за что-то, не сдавалась. И под конец — самую малость, но я все-таки разжалобилась и вступила в диалог. Потому что невозможно быть стеной, когда кто-то настолько в тебе заинтересован и хочет поговорить. На личном опыте не столкнулась с необходимостью вот так „пробиваться“, мои подопечные оказались очень контактными и доброжелательными. Но я хорошо запомнила чувства, которые испытала на тренинге, когда оказалась буквально в центре вселенной наставника и получила столько искреннего внимания».

После тренингов нередко из программы уходят волонтеры, у которых были не очень сильная мотивация или идеализированные представления о том, что им предстоит. В процентном соотношении не подскажу, но на моей памяти не было ни одного потока, из которого все кандидаты дошли бы до финала. И это большой плюс. Мы никогда не делали специальных «страшилок» на каком-то из этапов, но намеренно с разных сторон подсвечивали опыт, с которым предстоит столкнуться во взаимодействии с подростком-сиротой. На тренингах — особенно живо. И это по-настоящему пугало кандидатов. Часто не потому, что сами истории были жуткими, а потому что своими фрагментами они «цепляли» и служили триггерами.

Юлия, наставница девочки

«В обучении было много психологических моментов, какие-то даже всколыхнули мои собственные травмы. Однажды после тренинга я была настолько, даже физически, напряжена, что вынуждена была пойти бегать до тех пор, пока ощущение камня в груди не пройдет».

Тому, кто к этому моменту книги уже начал сильно волноваться за судьбу и психологическое здоровье будущих наставников, с радостью сообщаю, что на этом почти все. Мы называем такое боевое крещение репетицией перед «кортизоловой вечеринкой», которую наши дети обязательно устроят своему наставнику. Чтобы представить, какая программа может быть на таких «выступлениях», обратите внимание на сказки. Вот, кстати, следующая, основанная на реальных событиях. Когда дочитаете, расскажу о том, как формируются наставнические пары.

Сказка про мальчика, который очень не хотел исчезнуть

Жил-был мальчик. Он ненавидел почти все, что было в его жизни. Но больше всего — разлуку и паузы. Когда у мальчика появился наставник, он стал звонить ему раз по двадцать в день. Иногда — чтобы спросить про дела и рассказать про свои, иногда — пожаловаться на несправедливость мира и поорать в трубку матом, но чаще он даже не понимал, зачем опять набирает знакомый номер. Просто ставил на громкую связь и ходил по детскому дому, занимаясь своими делами.

Дел у мальчика было много. Каждого, кого встретит в коридоре, нужно либо пнуть, либо обозвать. Если на пути взрослый, то можно и в долгую словесную перепалку вступить. Мальчик точно знает, что удобных не замечают взрослые, слабых гнобят другие дети. А если хорошенько всех достать, то уход и пристмотр гарантирован, уважение обеспечено.

Мальчика не пугали крики, угрозы, наказания, поездки в психиатрическую больницу, постановки на учет. Он ясно чувствовал: пока тебя ругают, ты существуешь. Пока тебя боятся, ты в безопасности. Пока ты звонишь по двадцать раз в день, о тебе не забудут.

Внутри мальчика билось будто не одно, а целая стая неприрученных сердец. Но только одно из них было настоящим. Оно не умело кричать, драться и материться, поэтому говорило тишиной. Порой, если на другом конце провода не бросали трубку, оно билось спокойнее и могло сказать: «Я есть». И этого было достаточно, чтобы не исчезнуть.

Глава 5

Кто с кем: по какому принципу знакомят детей и взрослых?

После теории и тренингов волонтеры плавно подходят к финальному этапу обучения — психологическому консультированию. Именно после этой встречи становится понятно, для какого ребенка подойдет выпускник школы. Психолог не провоцирует и не ищет, к чему придраться, как некоторые опасаются, а проводит глубокую беседу, цель которой — выявить слабые и сильные стороны будущего наставника, понять, на что вообще способен человек, какой у него личный опыт, какие опасения и ожидания от программы.

Когда этот этап остается позади, у сотрудников фонда уже есть представления о том, с кем из ребят можно познакомить волонтера для создания наставнической пары. Здесь есть очень важный момент. Мы никогда не подбирали детей для наставников. Наоборот — мы подбирали наставника под ребенка. Обычно шли две параллельные программы: для взрослых и подростков. На тренингах ребята нарабатывали полезные для жизни социальные навыки и заодно узнавали о наставничестве. Когда программы подходили к концу, мы садились и смотрели на анкеты выпускников обеих — кто кому подойдет.

Обсуждали, спорили, смотрели на сильные стороны наставника и потребности ребенка, выявляли риски и обозначали зону роста. Какие-то пары складывались быстро, и мы оперативно знакомили ребят с наставниками. А бывало, что для кого-то из детей и взрослых пары не находилось. Тогда мы откладывали их анкеты для следующего выпуска групп. Не выкидывали, как иногда представляют волонтеры, не познакомившиеся с ребенком сразу после получения свидетельства о прохождении программы, а бережно хранили в базе в ожидании того самого подростка. Иногда это занимает месяцы, а порой годы.

Юлия, наставница девочки

«Для меня в жизни всегда было важно глубокое общение с людьми. И Ася — девочка, с которой меня познакомили, оказалась человеком, который на такое способен. Она не подстраивалась специально под меня, а была в умении мыслить, чувствовать и проживать какие-то состояния очень естественна, в чем-то изначально похожа.

Не знаю, случайность это или психологи так целенаправленно подобрали. Мне казалось, что во время разговора со специалистами сложно было понять, что я за человек и на что способна: чувствовала какую-то растерянность и вообще плохо помню, что говорила. Но в итоге я получила именно то, что для меня важно. Не я, как наставник, Асю научила и под себя подстроила. Это не моя заслуга, она такой и была».

У программ наставничества нет такого KPI: 20 человек обучили по программе, 20 человек должны познакомиться с подопечными, и тогда это успех. Нет, не так.

Все должны познакомиться именно с тем ребенком, который подойдет по ряду важных критериев.

В подборе детей и взрослых друг для друга много и субъективного, но давайте попробуем обозначить критерии:

— Характер и темперамент.

Это самый очевидный и важный момент. Чтобы избежать формулировки «не сошлись характерами» при расставании, мы смотрим на то, кому с кем может быть комфортно. Спо-

койной вдумчивой наставнице, которая мечтает водить ребенка в театр и помогать с поступлением, мы не предложим познакомиться с девочкой, которая забила все лицо татуировками и в полиции бывает чаще, чем у себя в комнате. Активному наставнику, который спит и видит, как они с подопечным будут часами кататься на великах и ходить в зимние походы, мы не подберем ребенка, который видит все то же самое, но в страшных снах. Детям и взрослым в процессе общения приходится подстраиваться друг под друга, но, если они изначально окажутся слишком разными, магии не получится. Мы таких экспериментов не проводим.

— Сильные стороны наставника и потребности подопечного.

Это основополагающий и самый непростой критерий. Вокруг обсуждения сильных сторон и потребностей чаще всего разгорались споры между психологами, потому что тут все неочевидно. Тем не менее, мы старались сформировать пары таким образом, чтобы сильные стороны наставника компенсировали слабые стороны ребенка и закрыли какие-то потребности. Исходили из того, как личность конкретного наставника будет в теории влиять на ребенка и насколько ему это полезно. Например, у нас мальчик, который растет в чисто женском коллективе, и у него нет примера мужского поведения, позитивного образа мужчины, но есть представления о властных и даже грубых женщинах, которым надо подчиняться. Тогда мы стараемся подобрать ему наставника-мужчину. А когда не получается, ищем для него теплую женщину. Не сильную и брутальную, а именно нежную и мягкую, чтобы не «ломать» окончательно представления о мужских и женских фигурах. И чтобы рядом с ней у ребенка был шанс проявить какие-то традиционно мужские черты.

— Мотивация.

Наставники рассказывают о мотивации напрямую, мы что-то конкретизируем при анализе их поведения на тренингах и высказываниях на консультации. А с детьми сложнее. В программу «Компас» вступают только дети, которые хотели наставника, но они редко озвучивают мотивы. Если и говорят об этом, то что-то приземленное: куда-то сходить со взрослым, что-то получить от него. Но во время прохождения программы психологи дают ребятам задания, которые позволяют обнаружить в том числе, где болит и чего хочется. Именно на эти данные опираются при формировании пар.

— Интересы.

Честно говоря, это последний критерий, на который мы обращаем внимание. Если по всем остальным параметрам ребенок и взрослый друг друга хорошо дополняют, то вопрос общих интересов не особо значим — найдут они, что вместе делать и о чем поговорить. Но если так сложилось, что у наставника и подопечного, помимо всего прочего, есть увлечения, которые совпадают, это огромный бонус.

Сабрина, выпускница детского дома

«Одно время к нам в детский дом приезжала группа волонтеров-студентов. Сложно вспомнить, как мы познакомились, но в итоге каждый условно себе выбрал по ребенку. Сколько раз замечала, волонтерам поприятнее работать с миленькими детишками, которые как бы сразу выделяются из толпы — они такие все милешные, няшные и так далее. И волонтерам, естественно, проще с ними. А еще бывает, что воспитатели выдают список детей, которые хороши, и список детей, которые не очень. Всегда волнительно, в какой ты попадешь, что о тебе расскажут на старте».

Принципиально важно избежать лишнего напряжения при знакомстве ребенка и наставника, поэтому мы всегда старались провести его настолько непринужденно, насколько это возможно. Например, объединяли небольшие группы выпускников школы наставников и детей, прошедших подготовку, на встрече-тренинге. По официальной версии, подростки и взрослые совместно выполняли задания, но по факту присматривались друг к другу, получали какой-то общий опыт, который можно обсудить.

Сейчас довольно популярен формат онлайн-наставничества. Подопечный живет не в том регионе, где наставник, поэтому очные встречи затруднительны, но поддерживается регулярное дистанционное общение. Такие пары знакомятся по видеосвязи после того, как ребенок посмотрит видео от наставника и подтвердит, что хочет взаимодействовать с этим взрослым.

Есть один важный нюанс: к моменту попадания в программу у детей из детского дома уже есть представление о том, кто такие волонтеры. Как правило, такие взрослые представляются либо источником быстрых удовольствий, либо источником раздражения. Приведем пару индивидуальных мнений выпускников на этот счет. Они авторские, но довольно распространенные, потому что опыт общения с волонтерами у наших ребят похожий.

Даша, выпускница школы-интерната

«Я к волонтерам всегда относилась скептически. Для меня это „люди-понторезы“, которым хочется приехать к сиротам, пофотографироваться, потом выложить в соцсети пост. То есть в моем мире волонтеры — это люди, которые приходят к нам ради фотки, чтобы показать миру, что они святые, классные, раз помогают бедным сиротам. Любой приезд таких „гостей“ вызывал раздражение. Если нельзя было не ходить, то я просто сидела в углу и старалась ни с кем не общаться. Сейчас даже странно осознавать, что очень близкий для меня человек, которого считаю наставником, появился в моей жизни во время очередного приезда любителей пофоткаться и самоутвердиться».

Виктор, выпускник детского дома

«Мне немного неловко это рассказывать, но точно помню, что в детстве мы ждали волонтеров, потому что они были кем-то вроде спонсоров, и никогда не приезжали с пустыми руками. Я знал, что волонтеры привезут подарки. Поиграть с ними можно было, поговорить — тоже интересно. Но обычно это были люди, которых даже запомнить не пытаешься, потому что знаешь, что больше никогда их не увидишь. Хотя были и постоянные волонтеры. Перед 9 мая, например, к нам приезжала одна и та же группа активистов, они рассказывали о войне. По-моему, каждый раз одно и то же. Когда был маленьким, с удовольствием ходил послушать, такие милые бабушки и дедушки были, тепло к нам относились. А вот год на третий-четвертый уже психовал и не хотел с ними встречаться: я могу погулять, могу пообщаться с друзьями, могу поспать, в конце концов, а меня опять заставляют идти на встречу с чужими людьми, которые хотят присесть мне на уши. Ну блин... Сейчас мне стыдно за эти мысли. Понимаю, что тема важная, и благодарен, что волонтеры тратили на нас время, но в подростковом возрасте это все воспринималось именно так: либо вы привезли что-то полезное и говорите о чем-то интересном, либо не мешайте мне заниматься своими делами».

Я с большим уважением отношусь к труду волонтеров и их готовности посвящать нашим детям свободное время. Среди людей, которые регулярно посещают детские дома и проводят мастер-классы много тех, кто искренне заинтересован в ребятах. Но, к сожалению, их не подавляющее большинство. Как-то был свидетелем такого разговора между волонтерами:

— Мне так понравилась одна девочка из этого детского дома. Она так танцевала, когда я пела. Очень милая! В зеленых колготках была с хвостиками.

— Класс! А как ее зовут?

— Ой, не знаю! А я не спросила. Но она мне понравилась.

Не сторонник теории о том, что с наших детей надо сдувать пылинки, чтобы на уже имеющиеся психологические травмы не наложились новые. Ребят не так просто задеть, как кажется. И для воспитанников детских домов в какой-то момент становится нормой, что участливым взрослым, которые делают подарки и общаются, абсолютно нет дела не только до того, что в душе у детей, но и до базы — имени. А если вдуматься, это неправильно. И такое отношение волонтеров к ребятам во многом формирует и восприятие детьми будущих наставников. Подопечным сложно поверить, что они могут стать для взрослого кем-то важным и имеющим имя, а не просто «девочкой/мальчиком в зеленых колготках». Показательная история «изнутри» про опыт взаимодействия с волонтерами вспомнилась и Оле.

Оля, волонтер в детских домах

«Мой опыт волонтерства начался задолго до вступления в программу наставничества. Когда мне было двадцать, каждую неделю ездила с мастер-классами по журналистике в детский дом на севере Москвы, и мы с группой подростков пробовали составлять тексты и записывать выпуски новостей на местном «батерском» радио. Дети были непростыми: с ними периодически было и страшно, и больно, и непонятно, но они ни разу не шокировали меня так, как волонтеры. Однажды мы с ребятами поехали сопровождать танцевальный коллектив детского дома на мероприятие, где старшие девочки должны были выступить. Волонтеры приняли меня за одну из воспитанниц учреждения, и общались соответственно. Это одно из самых ярких негативных впечатлений в моей жизни. Сначала нам предложили облачиться в одинаковые футболки с логотипом. Причем каждая вещь без бирки вручалась так торжественно, будто этот подарок должен нас осчастливить до конца жизни.

Затем волонтеры проводили группу в актовзый зал, где мы слушали поразительно скучный концерт. Наши девочки выступали последними, после школьников и бабушек, и их номер объявили так (помню каждое слово, хотя прошло больше 10 лет): «Когда концерт закончится, вы все пойдете домой, где вас ждзут мама и папа, будете пить чай с конфетами и рассказывать, как прошло выступление. Но есть дети, которые лишены этого — дети из детских домов. У них нет родителей, их дома никто не ждет. И они пришли поздравить вас с праздником. Поддержим их аплодисментами. Испанский танец!»

Мне хотелось разреветься и убежать. Это было так унижительно. Дальше — больше. После того, как все разошлись, нас оставили пить чай с волонтерами. Я попыталась уйти, потому что продолжать знакомство не очень хотелось, да и планы были другие. Но волонтер остановила меня словами: «Ну, куда же ты? Одним уезжать нельзя. Новенькая?», и я решила прожить этот опыт до конца. Если бы знала, что впереди, решила бы иначе.

Волонтеры достали торт и пыльные блюда, сдвинули столы. Старшая проводила нас с ребятами в уборную «помыть ручки», а когда увидела, что я взяла с собой сполоснуть блюда, очень хвалила за хозяйственность. Старшие девочки все-таки умудрились сбежать, а мы с остальными ребятами сели за стол. Концентрация волонтеров была опасной: один взрослый на пару детей. Нам с «напарником» досталась волонтер, которая спрашивала про впечатления от концерта и будущие профессии. Мне рекомендовали стать поваром, потому что работа хорошая, а я послушно кивала. Говорить, что второй год учусь в университете на другую специальность, было поздно.

А самой бойкой девочке из нашей группы повезло меньше — с аппетитом уплетая торт, волонтер спрашивала ее, сразу ли та попала в детский дом или из приюта, то есть сдали ли ее родители, или изъехала опека. Надо отдать ребятам должное, все время поездки они вели себя очень доброжелательно. На вопросы отвечали односложно, но никто не грубил и не огрызался. Я, кстати, тоже, хотя такого уровня внутренней агрессии и приливов кортизола не испытывала никогда в жизни.

Правила игры с волонтерами быстро стали понятны: тебя бьют в самое больное, а ты терпишь. Тебя унижают, ты держишься. Если справляешься достойно, выигрываешь торт из пыльной тарелки и бонус — тебя не везут в «психушку» и не называют «сложным» подростком. В тот день забрала выданную волонтерами уродливую футболку домой. И она стала для меня символом благотворительности, которой я заниматься не хочу».

Программы наставничества принципиально отличаются от того волонтерства, с которым познакомились дети. Если ребенок не успел составить о добровольцах мнения, то наставнику может быть полегче. А если подросток уже столкнулся с феноменом безразличных волонтеров, то наставнику придется продираться сначала через этот психологический бастион и терпеливо объяснять, что наставник — это не спонсор и не взрослый на один раз, а человек, с которым можно быть собой. Тем более, что для многих наших ребят наставник — один из немногих шансов на собственного взрослого и индивидуальное внимание.

Глеб, выпускник детского дома

«Сегодня существует масса вариантов забрать детей из детского дома, в том числе система наставничества. Однако еще 20 лет назад, когда я сам находился в сиротском учреждении, все было совершенно иначе. По сути, тогда имелось всего два пути: усыновление/удочерение или опека. И только ближе к концу нулевых появился патронаж. Неудивительно, что ребята нечасто покидали стены детского дома раньше 18 лет. Вот и мне этого сделать не удалось, хотя я считался хорошим талантливым ребенком, пока не открывал рот и не начинал задавать по сто вопросов в минуту.

Если серьезно, шансов попасть в семью изначально практически не было, поскольку у меня есть сестра-двойняшка. Разлучать нас было нельзя, да мы бы и не согласились. К счастью, у меня установились близкие отношения с одной из воспитательниц в детском доме, которая фактически заменила мне маму, и потому уходить куда-то в семью уже не хотелось. Тем неожиданней оказалось появление в моей жизни Натальи Ростиславовны. По сути, тогда института наставничества как такового не существовало, но она стала для меня тем самым значимым взрослым».

О том, насколько готов наставник к тому, чтобы ребенок проявлялся по-разному, мы еще поговорим. А пока почитайте сказку об опыте, который в глубине души желает получить практически каждый ребенок из детского дома, но за невозможностью довольствуется новыми гаджетами от спонсоров.

Сказка про девочку, которая разучилась завязывать шнурки

Жила-была девочка. Довольно долго жила, многое умела. В школе считалась одной из лучших и у воспитателей была на хорошем счету. Отлично готовила, когда приезжали волонтеры с мастер-классами и рисовала, когда было много свободного времени. Но была у девочки одна маленькая особенность: как только приезжала ее наставница, она забывала даже, как завязывать шарф и шнурки.

— Помоги мне! — дула девочка губки.

— Давай, — отвечала наставница. — Неужели, разучилась?

— Это дурацкие шнурки, все время развязываются! — упрямилась девочка.

Наставница удивлялась такой нерасторопности пятнадцатилетней подопечной, но раз за разом помогала справиться с ненавистными шнурками, игнорируя сетования воспитателей и насмешки детей в группе. Со стороны это выглядело странно. Казалось, девочка просто ленился, манипулирует, играет в «маленькую», да просто стебется. Но дело было совсем не в шнурках.

Каждый приезд наставницы будто возвращал девочку в тот возраст, в котором ей однажды не хватило тепла. Когда наставница снова и снова опускалась перед ней на колени и ковырялась в ботинках, девочка получала то, чего когда-то не хватило — простую заботу в мелочах.

В такие минуты девочка была на вершине блаженства. Это даже круче первого места на выставке рисунков и первого поцелуя под лестницей детского дома. Тепло разливалось по телу и румянило щеки. Девочка не хотела никого злить и быть маленькой. Она просто хотела догнать то, что безвозвратно упущено и на секундочку позволить себе быть слабой.

В каждом обороте петли грязного шнурка, превращающегося под пальцами наставницы в аккуратный бантик, девочка слышала: «Я с тобой. Даже когда ты маленькая. Даже когда ты не соответствуешь ожиданиям». Девочка выдыхала, улыбалась и шла гулять. Она снова становилась почти взрослая, только теперь на одно счастливое воспоминание сильнее.

ЧАСТЬ 2

Вы здесь? Вы рядом?

Мы подходим к нашей любимой части книги. Кажется, в эти страницы вложено больше души, чем в нас осталось. Во всяком случае, над их созданием работали люди, которые не только разбираются в теме, но и искренне любят детей. И это ощущается.

Я попросила поделиться своим взглядом на актуальные для наставников темы психологов, координаторов наставнических проектов, бывших и действующих воспитателей учреждений для детей-сирот. Обещаю, вы не увидите банальных советов и обобщенных образов. Потому что за каждой главой — история человека, прошедшего часть пути рядом с детьми, которым очень не хватило любви, возможности довериться и своего взрослого. О таком опыте невозможно рассказывать формально.

Моя гордость и моя боль — живые голоса выросших в системе детей и наставников, которые иллюстрируют

Готовы? Местами может быть больно. Но Артем все разложит по полочкам, а я буду рядом — в каждой сказке, в каждом абзаце. Заранее обнимаю. Перелистывайте страницу.

Ваша Оля.

Глава 6

Ребенок есть. Что с ним делать?

Знакомство и первые встречи с ребенком традиционно становятся довольно яркими впечатлениями для наставников. Когда был куратором пар от фонда, мне рассказывали много о первых впечатлениях о ребенке и первых шагах навстречу друг другу. Попробую обобщить основные моменты. Кураторам важно оценить общее эмоциональное ощущение первой встречи. Когда мы спрашиваем наставников «Как все прошло?», мы, как правило, интересуемся не столько конкретными событиями или темами бесед, сколько успешностью контакта. Наставники часто рассказывают именно о том, был ли ребенок напряжен или спокоен, заинтересован или подчеркнуто безразличен.

На что стоит обратить внимание при первом контакте:

1. Смотрит ли ребенок в глаза
2. Как реагирует на инициативу взрослого
3. Проявляет ли инициативу сам

Понаблюдав за поведением подростка, очень важно умудриться не сделать из него выводы о себе или перспективах контакта. Наши дети — гении перевоплощения. Они раскрываются далеко не сразу. Поэтому наставники должны учиться наблюдать, не делая поспешных умозаключений.

Логика не главный рычаг воздействия на поведение наших подростков. Нередко долгие продуктивные отношения складываются в парах, где ребенок на первых порах, если не кричал наставнику напрямую о ненависти и безразличии, то выражал их каждым вторым взглядом. Бывает, что у наставника не получается познакомиться в первый приезд.

Если ребенок именно сегодня не в том настроении, он может не пойти на контакт, даже если до этого неделями спал и видел перспективу пообщаться с наставником. Когда подросток не готов, наставник все равно не сможет с ним сходу сблизиться. И это тоже надо понимать.

Первые шаги к сближению редко бывают симметричными. При знакомстве один из участников делает больше шагов навстречу. Как правило, это наставник.

Но и взрослому бывает непросто, поэтому обычно первая встреча проходит не один на один, а в формате тренинга с другими участниками или в присутствии куратора/воспитателя, которые смогут помочь развить беседу и наладить общение.

Мы рекомендуем наставникам продумать на основе интересов ребенка пару направлений для разговора, подготовить для себя вопросы, истории. Не факт, что это все пригодится: есть пары, где наставник успевал только сказать «Привет» и представиться, а дальше диалог выстраивался сам собой. Но большинство действующих наставников рассказывают, что «заготовки» для беседы у них были, и это придавало уверенности.

Юлия, наставница девочки

«Хорошо, что первая встреча не была индивидуальной. Мы с Асей познакомились на тренинге от фонда. Было много взрослых, много подростков. Я ее сразу увидела, мы

пообщалась. И на первую встречу тет-а-тет я шла уже с пониманием что да как. Было все равно неловко поначалу. Но не было ложных ожиданий или скованности».

Светлана, наставница девочки

«Я познакомилась с Аней на тренинге «Компаса». Перед встречей с детьми я очень волновалась, меня мучили вопросы. Как понять кто из них «твой»? Как будет происходить это объединение в пары? А если мне никто не понравится или не понравится выбор психологов? Много переживаний.

И вот, стоя в коридоре фонда в таком взвинченном состоянии, я увидела толпу детей. Мое внимание привлек симпатичный мальчик, и я уже не спускала с него глаз. Когда зашли в аудиторию, наставников представили и начали знакомить с детьми. Мой «мальчик» оказался девочкой — колючей неформалкой, которая демонстративно воткнула наушники и села в стороне, мол, ее это все не интересует.

Я не знала, как подступиться, для очистки совести оглядела всех детей, но пришлось признать, что мое внимание уже отдано ей. И, конечно, я сомневалась в себе, как подступиться к этому подростку, огородившемуся ото всех и демонстрирующего свое презрение ко всему происходящему.

Дальше начались задачи в парах, мы должны были нарисовать совместный рисунок. Для себя решила — если у нас получится взаимодействие, то шанс есть. И все получилось, Аня пошла со мной на контакт, мы выполнили задание, в процессе она ко мне прислушивалась, вместе находили решение. Большие я не сомневалась.

Дети ушли, и я сказала кураторам о своем выборе. Меня начали отговаривать. Аня была «сложной». С непростым характером, с трудным поведением. Ни с кем из персонала у нее не складывались отношения. Ей 16 с половиной, до совершеннолетия рукой подать. Кроме того, Аня была не из московского детского дома. Она приехала временно и ожидала сложнейшую операцию, результат которой неизвестен: все может кончиться летально, и я сама могу об это травмироваться. Но для меня это был скорее решающий фактор «за». Ведь если ребенок ждет такую операцию, вырван из привычного мира, то ему тем более страшно, одиноко.

Я несколько месяцев ждала ответа от «Компаса», звонила, спрашивала результат. И наконец они пригласили нас на знакомство. Это происходило в детском доме, под присмотром психолога, но потом нас оставили одних. Мы час общались, у Ани была потребность выговориться, рассказать о себе, и я увлеченно слушала. Далее нам дали задание пойти на почту и отправить мне открытку, зайти в магазин, рассчитать продукты на какое-нибудь блюдо.

Мы ушли, открытку мне подписали и отправили, а дальше несколько часов гуляли и говорили. В детском доме даже начали волноваться, нас уже потеряли. А мы не хотели возвращаться, не могли наговориться. Думаю, потребность в своем личном взрослом очень важна, даже если в начале ни ребенок, ни взрослый это не осознают.

Со старшими подростками бывают и прогулки в день знакомства. Но в большинстве случаев мы не рекомендуем выходить за территорию детского дома на первых встречах. Раньше речь шла о том, чтобы встречаться в учреждении хотя бы первый месяц, а дальше смотреть. Сейчас сроки условные: когда наставник почувствует, что достаточно понимает ребенка и может предсказать его поведение — на выход!

Но перед этим самым выходом важно успеть сформировать базовый наставнический альянс. Общение в пределах привычной среды нужно подростку для того, чтобы привыкнуть к новому человеку и успеть «прощупать» его границы. В «большом мире» очень много отвлека-

ющих факторов, а в детском доме все уже понятно, поэтому ребенку легче сфокусироваться на наставнике. Наставник спит и видит, как будет знакомить подростка с миром возможностей и откроет ему целую вселенную, а подростку больше всего хочется вырваться из детдомовской рутины под руку с человеком, который может обеспечить какие-то его «хотелки». Поэтому период от знакомства до первого выхода за территорию часто недооценивается. Его не терпят «перешагнуть», но он очень важен. Как раз в этот момент наставник создает безопасное пространство, в котором в итоге и вырастет контакт. Задача наставника на этом этапе — не понравиться любой ценой, а проявить себя понятным, предсказуемым и устойчивым. На достижение этой цели хорошо работает спокойный тон, уважение к дистанции и личным границам, отсутствие давления.

Сабрина, выпускница детского дома

«Мне кажется, наставнику важно быть честными и задавать вопросы. Спрашивать, что интересно ребенку, в чем он хочет развиваться. Можно и глобально о вопросах дальнейшего обустройства, можно точно про какие-нибудь походы в МФЦ и кино, и чистку зубов. Но это должен быть интуитивно уместный разговор и искренняя заинтересованность. Думаю, было бы хорошо, если бы наставник не пытался действовать по шаблону, а присмотрелся к подростку: одному будет важно про эмоциональные трудности говорить и развивать софт скиллс, а другому что-то более прикладное. Если взрослый сможет по-настоящему увидеть ребенка, то контакт установить будет просто».

Ситуация знакомства ребенка и наставника — это обычное человеческое взаимодействие. Не стоит вкладывать дополнительных смыслов. Если ты человеку нравишься, у него расширяются зрачки, он начинает глубже дышать, и его тело направлено по направлению к тебе. А если человеку не нравишься, он постоянно от себя отворачивается и не приводит интереса. Это обычная история. Нет особых лайфхаков, наши ребята — это человеческие дети, они ведут себя в целом так же, как и мы. Макаренко был бы в шоке, но так и есть.

Глеб, выпускник детского дома

«Несколько лет назад моя подруга решила стать наставником и пришла посоветоваться, как вести себя при знакомстве с подростком из детского дома. Мне было проще рассказать, чего делать не надо. Я составил памятку.

Семь шагов к тотальному провалу: как никогда не получить сироту

- 1. Подарить свой телефон / подарить новый телефон*
- 2. Дать / одолжить денег*
- 3. Позвать в семью / уточнить, хочет ли он стать твоим сыночком*
- 4. Спросить, как умерли его родители*
- 5. Упасть в обморок, когда ответит, что родители не умерли, а спиваются*
- 6. Сказать все, что думаешь о его маме, когда очнешься*
- 7. Написать на него заявление в полицию, когда получишь по лицу за мнение, которое не спрашивали*

Ваш результат: Вы великолепны! Вас выгнали из программы. Освободилась куча свободного времени на себя и реабилитацию после перелома носа со смещением. А подросток получил бесценный опыт общения с полицией.

А если серьезно, очень сложно давать общие рекомендации. Дети разные. Надо держать в голове, что может ничего не получиться из этого общения. Не нагружать ребенка своими ожиданиями и вести себя естественно».

«Вредные советы» Глеба ироничны, и на первый взгляд кажется, что по такому пути не пойдет ни один здравомыслящий человек. Но мы с вами прекрасно знаем, что забор ставят только там, где есть вторжение. Если есть правила, то были попытки поступить так, как запрещают.

Довольно частое явление в волонтерстве — систематическое нарушение личных границ ребенка. Если наставник будет действовать не так, как приходящие-уходящие благотворители, подростку будет проще сформировать к нему особое отношение и быстрее поверить в то, что этот взрослый «свой». Поэтому мы категорически не рекомендуем спрашивать о семье, родственниках до того, как ребенок захочет поделиться этим сам. Первая встреча не должна быть похожа на допрос с пристрастием.

«Красный флаг» и подарки на первых порах. Можно принести с собой UNO, Alias или какую-то еще игру для организации общего досуга, но не более. И то, если у вас подросток младшего возраста. Старшие ребята даже на «Взрывных котят» и «Ерша» отреагируют скорее негативно. Важно держать в голове, что ты идешь не себя продать, не его изучить, не спасти несчастного сиротку и показать, как жить правильно. Ты идешь познакомиться с человеком, идешь узнать человека, и то есть тут самое главное, это именно твой настрой.

Ключевая задача — поделаться что-то приятное вместе, пообщаться, но никак не развлечь или задарить ребенка. К слову, чтение книг в представление детей о приятном досуге не входит. Наши ребята могут рассказывать о том, что увлекаются чтением, но это обычно делается для того, чтобы «заработать баллы» и понравиться взрослому. Каждый первый подросток предпочтет совместному чтению болтовню ни о чем. И это нормально. Так что книги на первые встречи можно не приносить — 100%.

И помните, что лучше иметь вариант «ничего не делать», чем перегрузить активностями встречи, которые должны стать островком безопасности и спокойствия. Подростки при общении на территории детского дома обычно с удовольствием проводят экскурсию по комнатам, показывают свои медали, рисунки, игрушки, гаджеты. Они сами «развлекают» волонтера, и необходимость «изобретать велосипед» отпадает. То, что стоит сделать до первого выхода за территорию — сформулировать основные правила и границы пары. Зуб даю, это пригодится.

Важно с самого начала обозначить ключевые правила взаимодействия между наставником и подопечным.

На старте мы с кураторами приглашаем пару заключить своего рода «договор». Конечно, это «филькина грамота» и никакой юридической силы он не имеет. Но это возможность впервые поговорить о границах. Понять, где они будут у каждой конкретной пары — личное дело участников, но мы помогаем фиксировать базовые принципы:

- не воровать друг у друга
- не звонить после полуночи
- и прочие очевидные, но критически важные границы.

Это соглашение наставник и подросток по-настоящему подписывают, и именно после этого становятся парой. Понятно, что можно и без этих «бумажек». Знаю, что далеко не все фонды и даже коллеги внутри моего учреждения такое практикуют. Но на мой взгляд, формальный договор на начальном этапе крайне полезен: он задает четкие рамки, снижает тревожность и помогает обеим сторонам понимать, «где можно, а где нельзя». Но даже если не хочется фиксировать «кровью на бумаге», неформально обозначить общие моменты может быть важно.

Даша, выпускница школы-интерната

«Дядя Андрей подсел ко мне сам, спросил, почему я одна, что с настроением. Мы с ним разговорились: про театр, про музыку, про рисование. Он спрашивал про все мои увлечения и что-то интересное про это рассказывал. Он вообще много знает, его приятно слушать. Ну и все. Когда дяде Андрею пора было уезжать, он говорит: „Дай мне свой номер, мы с тобой созвонимся, поговорим еще. Если какие-то проблемы будут, звони в любой день“. Понятное дело, я не бросилась никому звонить. Это вообще табу. Не могу, для меня тяжело проявить слабость, попросить помощи. Уж лучше самой. Но факт того, что дядя Андрей такое сказал, вот так обозначил правила, я до сих пор с теплом вспоминаю».

Настя, наставница девочки и выпускницы

«Когда познакомились с выпускницей, мы просто общались, и не было необходимости проговаривать какие-то очевидные вещи. У нас онлайн-наставничество, этот формат меньше касается взаимодействия на финансовом уровне и приглашений домой. Поэтому со взрослой девочкой я чаще говорила о правилах тогда, когда действительно было какое-то неправильное поведение. Например, мы договорились в какой-то момент созвониться, а она «слилась». Я тогда объясняла: если ты не можешь, то ты хотя бы предупреждай человека об этом. Не страшно «слиться» — мало ли, какие бывают ситуации, планы меняются и так далее. Но предупреди заранее, а не в последний момент или постфактум.

Если говорить про очное взаимодействие, то здесь уже больше поле для притирки и обозначения границ. Когда у меня появилась вторая подопечная, я тоже заранее ничего не проговаривала, потому что это странно. Ты только познакомился с человеком, и сразу такая: «Давай я тебе расскажу про правила». Ребенок о тебе еще ничего не знает, у него куча других вопросов на повестке, и сами темы общения только начинают выстраиваться. Если не напугаю таким напором, то половину правил человек просто пропустит мимо ушей. Сложно усвоить формальную информацию в момент волнительного знакомства.

Поэтому, если граница касается какой-то темы, я тоже проговариваю, но стараюсь делать это заранее только в тех случаях, когда понимаю, что этот вопрос может возникнуть. Например, я люблю дарить подарки. И когда я слышу фразы вроде «я хочу то» или «я хочу это», понимаю, что это сказано не просто так, а с надеждой получить. Со своей стороны я сразу для себя понимаю бюджет и покупаю то, что считаю возможным и полезным. Но потом, когда мы пошли гулять, она снова говорит: «Я хочу это, я хочу то... ой, а не много ли я хочу?» И вот в этот момент я завела разговор, что, когда будет чрезмерно, я об этом сообщаю, и мы это проговариваем. То есть мы договорились быть открытыми и честными друг с другом и обсуждать нюансы. И с трудом представляю, как могла бы сделать то же самое с порога на первой встрече».

Границы — не статичная конструкция. Они, как и в любых близких отношениях, постепенно уточняются и корректируются.

Даже в многолетнем браке супруги время от времени обнаруживают новые «зоны чувствительности» и договариваются об актуальных правилах. Так же и в наставничестве: сначала — базовые, явно проговоренные ограничения, затем — постепенное выявление неочевидных границ через живой диалог и наблюдение. Однако существует черта, пересечение которой может стать точкой невозврата. Если ее вовремя не заметить, взрослому приходится либо жестко обозначать границы, либо завершать отношения.

Например, у многих подопечных есть выраженная тактильная потребность. Особая сложность возникает в ситуациях, когда у девушки-наставника подопечный — юноша, и он активно стремится к телесному контакту. Здесь часто одновременно работают два подсознательных механизма: первый — проявление сексуального либидо, естественного для подросткового возраста, а второй — потребность в насыщении через контакт с материнской фигурой. Если долго разрешать объятия и другие формы тактильного контакта, это может привести к нежелательным последствиям. Речь не обязательно идет о реальных инцидентах, чаще это риск постепенного смещения границ, которое сложно остановить.

Мы не запрещаем объятия и тактильное взаимодействие — наоборот, наши дети в этом остро нуждаются. Речь идет о том, чтобы держать в голове необходимость контроля над происходящим. Ребенок в этом плане никогда не скажет «спасибо, достаточно»: у него внутри черная дыра, которую не заполнить и за всю жизнь, поэтому за частотой, интенсивностью и уместностью тактильных контактов следит взрослый. Особенно важно предельно четко выстраивать границы с подопечными, имеющими интеллектуальные нарушения. В таких случаях инстинктивные реакции часто преобладают над рациональными, поэтому правила необходимо проговаривать максимально ясно и конкретно — буквально «по буквам».

Я рекомендую наставникам сразу обозначать, если не в беседе с ребенком, то хотя бы для себя, такие моменты:

1. Границы материальной поддержки. Часто возникает соблазн «задарить» подопечного: купить ему телефон, игровую приставку, хотя бы сводить в кафе или кино. Но это опасно: наставник начинает восприниматься как «кошелек», у ребенка формируется потребительское отношение и теряется фокус на главном — личностном и интеллектуальном развитии. Кстати, у наших детей «пунктик» на материальной поддержке, поэтому велика вероятность, что границу «денег» нужно будет обозначать неоднократно.

2. Границы эмоционального вовлечения. Наставник не должен брать на себя роль родителя или психотерапевта. Важно уметь сказать: «Я понимаю, что ты хочешь поделиться этим, но мне некомфортно обсуждать такую тему». Даже если ребенок требует постоянной включенности в его жизнь, это не значит, что наставник обязан соглашаться.

3. Границы времени и доступности. Самое доброе намерение быть «всегда на связи» может обернуться перегрузкой. Четкие договоренности о том, когда и как можно обращаться, защищают и наставника, и ребенка. Нет необходимости быть на связи 24/7, даже если у подростка много тревоги по поводу потери контакта.

Нередко сталкиваюсь со стремлением наставников быть очень мягкими и максимально подстраиваться под запросы ребенка. Чаще всего это объясняется стремлением «додать» что-то важное и подарить свободу, которой мало. Но нашим детям очень нужны границы. Они нужны всем детям и подросткам, но нашим — особенно.

Если можно все, то мир становится просто опасным. Если что-то нельзя, но ты не знаешь, что именно, становится тревожно. И только если есть четкие и стабильные представления о том, что нормально, а что нет (хотя бы в пределах одних отношений), тогда легче дышать. Это мысль, которую очень важно принять: мы обозначаем границы не для того, чтобы чего-то лишит ребенка или заранее наказать, а для того, чтобы дать ему ориентиры. Я уверен, что ограничения полезны не только для подопечного, но и для наставника: они предотвращают эмоциональное выгорание, помогают не скатиться в «друга» или «спонсора», создают безопасную среду для обоих. Надеюсь, это звучало достаточно жизнеутверждающе. Теперь самое время для сказки. Она о хорошем мальчике. Устраивайтесь поудобнее.

Сказка про мальчика-часовщика

Жил-был мальчик, который еще в раннем детстве заметил — внутри у людей что-то тикает и стучит. Когда люди смеются, плачут или сердятся, это будто связано с тем, какие процессы происходят внутри них.

Мальчик не сомневался, что внутри людей тикают часы. Возможно, и у него тоже. Только своих он не слышал.

Тишина — вот что жило у мальчика внутри. Чтобы не ошибиться в мире, который живет по невидимым ритмам, мальчик решил изучить механизмы. Он разбирал старые будильники, чистил пружины, менял шестеренки. И это ему нравилось. Механизмы были честными: если что-то не работает, это видно. Если работает — тем более. С механизмами он чувствовал себя комфортнее, чем с людьми. И мальчик стал часовщиком. У него был маленький стол с лампой, набор миниатюрных отверток и коробка с шестеренками всех размеров. Каждая вещь на своем месте. Каждое движение выверено.

Люди приходили к нему, приносили часы и говорили: «Они стали отставать» или «Они идут слишком быстро, я за ними не поспеваю» или «Они остановились в самый важный момент». Мальчик слушал людей, кивая.

Он понимал слова, но не их суть. Что значит «в самый важный момент»? Почему у мужчины дрожат руки, когда он это говорит? Что там такого внутри него тикает, пропускает такт, и ломается не в механизме, а где-то глубже?

Мальчик уточнял: «А что именно произошло?» или «Когда вы это заметили?», а еще «Какую деталь вы трогали перед тем, как перестало работать?». Люди отвечали, но ответы были странные. Они говорили о ссорах, одиночестве, ожиданиях. Это нельзя было разобрать маленькой отверткой из набора мальчика. Поэтому он перестал спрашивать и молча чинил очевидные поломки.

Иногда мальчик пытался заглянуть в свои собственные часы. Он чувствовал, что шестеренки есть и крутятся. Но как ни прислушивался, внутри была тишина. Никакого тиканья, никакой подсказки, что он сейчас чувствует, почему руки становятся твердыми или дрожат. Тогда он сделал то, что умел и понимал — стал работать аккуратнее, точнее, больше.

Раз он не может слышать себя, значит, надо просто быть безупречным в том, что слышно. Иногда кто-то из клиентов садился рядом и говорил: «Ты слишком строг к себе. Ты сейчас, кажется, устал. Или тебе грустно?» Мальчик вежливо отвечал: «Это невозможно определить точно. Я не слышу». И возвращался к шестеренкам. Они не требовали переводчика с языка чувств.

Но однажды к мальчику зашел очень необычный посетитель.

— Что с вашими часами? — по-деловому спросил мальчик.

— Ничего. Я пришел послушать твои. Разрешить?

— Не выйдет, — грустно усмехнулся часовщик. — Мои бракованные. Внутри только тишина. Даже для меня самого.

Посетитель улыбнулся и внимательно заглянул в глаза мальчику.

— Я тоже часовщик, — сказал он. — Давай покажу, как эти часы работают у тебя. Есть кнопка. Она позволит тебе услышать их ход и менять уровень звука.

Глава 7

Что не так с системой?

Даже самый хороший детский дом с прекрасными воспитателями — не замена настоящего дома, поэтому сейчас политика государства направлена на то, чтобы помогать сохранению кровной семьи, если это возможно, и скорее находить замещающую семью для ребенка, оставшегося все-таки сиротой. То есть, в идеале, детский дом — это временная точка, в которой ребенок живет, пока не попадет в семью или не научится жить самостоятельно.

На практике бывает по-разному. Здоровые, красивые младенцы без братьев и сестер с полным статусом до детского дома вообще не доходят, потому что их усыновляют сразу, как только они попадают в базы. А за подростками с непростой судьбой, полломанным характером и сложностями здоровья не стоит очереди из кандидатов. Поэтому они порой задерживаются в детском доме вплоть до совершеннолетия. Это наш с вами контингент, именно таким ребятам чаще всего ищут наставника. Поэтому есть смысл рассказать, что собой представляет учреждение, где подростки проводят большой и важный отрезок жизни.

Центр содействия семейному воспитанию — это не тюрьма, не родной дом и не летний лагерь. Это система, в которой созданы необходимые условия для воспитания и развития детей, оставшихся без попечения родителей.

Я стараюсь писать эту часть аккуратно, поскольку мой опыт ограничен. Хотя я побывал в десятках детских домов и довольно хорошо ориентируюсь в сфере, но все-таки был не везде, а если и был, то не на правах воспитанника. Разумеется, столица и регионы создают разные условия для детей, и вы прочтете описание из серии «средняя температура по больнице». Поэтому давайте сразу договоримся, что я описываю идеальную версию детского дома, к которой сейчас стремятся. А получается у всех по-разному. Общая идея и концепция в том, что условия в группе стараются максимально приблизить к условиям, которые есть у ребенка дома. В комнате по 2—3 человека, а не кровати штабелями. У ребенка есть его рабочее место, его шкаф — полноценное личное пространство, которое он и оформлять может под себя. Это создает комфортную и безопасную среду, что для наших ребят очень важно.

В детских домах есть культурный досуг, кружки и дополнительные занятия с репетиторами по школьной программе. Ребята регулярно ездят в лагерь, ходят в театры и цирки, участвуют в спортивных сборах и соревнованиях. У наших детей довольно широкий круг общения и интересов.

Современный детский дом уже не то место, которое можно снять в фильмах ужасов. Условия для воспитания и развития в нем созданы такие, что не каждая семья может обеспечить для кровного ребенка. Но все-таки детский дом — это не рай земной и не место, куда мечтает попасть каждый. Как ни улучшай условия, суть детского дома остается та же. В этой главе особенно хочется поделиться опытом людей, выросших в учреждении.

Сабрина, выпускница детского дома

«Любая система ломает людей — это однозначно. И если говорить про детский дом, то не только детей, но и взрослых. Если ты очень хороший, добрый, эмпатичный человек, тебе тяжело будет работать воспитателем. Сама атмосфера невыносима будет.»

В первом моем детском доме был душевный состав педагогов — держали в рамках, но и вкладывались в нас. А когда его расформировали, я попала в место, где работали одни формалисты: ребенок на месте, живой, действует по расписанию, до конца моей смены отмечился — ну и достаточно. Это были типичные работники системы, и выстроить с ними какие-то доверительные, нормальные отношения было задачей со звездочкой. О том, чтобы в такой обстановке чувствовать себя человеком, а не винтиком в механизме, и речи не шло».

В школах приемных родителей и на курсах наставников обязательно рассказывают о том, что детский дом — по-своему уникальная система, пребывание в которой оставляет травмирующий след. Да, это происходит, даже если детский дом отличный. Даже если выпускник вспоминает об альма-матер только хорошее. Даже если у ребенка есть наставник. Если ребенку повезло меньше, то проблема становится более очевидной.

Арсений, выпускник детского дома

«Меня посетили в интернат «для особенных» подростков, и это был капец. Дома бабушка вообще не особо ограничивала, поэтому для меня интернат — это очень непривычная среда обитания. Я не привык жить в детдоме, да еще там ребята какие-то больно «прикольные» были. Думал, я вместе с ними с ума сойду или вообще в колонию отъеду. Они ужасно бесили, я еле сдерживался, чтобы о батарее их не приложить. Батареи там, кстати, такие хорошие были, чугунные. А само отношение? Это вообще были не воспитатели, а надзиратели. Очень много ограничений: тут не ходи, тут не кури, так не смотри, это не говори, это не делай. То есть там реально надо было разрешения на каждый шаг спрашивать:

— А можно я пописаю?

— Да, сходи, пописай.

— А можно я покакаю?

— НЕТ! КАКАТЬ НАДО БЫЛО В КОРПУСЕ! СЕЙЧАС ГУЛЯЕМ!

И это настоящие диалоги. Нас там выгуливали, как собак — по часам и практически на поводке. Как там жить? Я не смог».

Понятно, что восприятие ситуации у воспитанников разное, да и учреждения могут отличаться внутренними правилами. В конце концов, и от отношения воспитателя к детям зависит немало. Мой папа всегда говорил, что в детском доме должны работать небезразличные люди, а «пастухам» место в поле. Тем не менее, какие-то ключевые моменты о системе нам важно понимать.

Во-первых, детский дом — это закрытая система. Она очень стремится быть открытой: детей вывозят в приличные места, гостей приглашают к ребятам, но факт остается фактом. Детский дом — отдельный мир, который живет по своим правилам, причем они диктуются и «сверху» (администрацией), и «снизу» (воспитанниками).

При этом у каждого воспитателя свои представления о прекрасном, свои взгляды на жизнь, потенциал каждого ребенка и воспитание. Итого: дети вокруг меняются, взрослые меняются, правила меняются.

Ребенок в детском доме все время вынужден пытаться адаптироваться под условия, под которые на самом деле почти невозможно подстроиться.

А если он все-таки справляется с этой задачей и привыкает к тотальному хаосу, это повлияет на способность строить собственную жизнь и отношения с людьми в дальнейшем.

Система детских домов создает уникальные вызовы:

- ограниченная свобода
- жесткая иерархия
- хронический стресс

И это происходит не из-за того, что директор детского дома и сотрудники так захотели, а потому что это факторы, которые невозможно исправить грамотной организацией. Конечно, руководство иногда может где-то побольше разрешить, где-то побольше запретить, чтобы поймать некий баланс и управлять ситуацией в детском доме, но, на мой взгляд, директор только устанавливает общие рамки, а дети в них живут и адаптируют под себя то, что можно.

Приятно отметить, что и в плане психологической помощи детям есть подвижки. Раньше считалось, что детский дом — место, где абсолютно бесполезна любая психотерапия, потому что нет пространства для проживания эмоций, которые всплывут в работе. И уж лучше вообще не лезть в прошлое, чем «вытащить» страшное воспоминание, вызывающее гнев, слезы, приступы отчаяния, и отвезти ребенка в психиатрическую больницу, потому что его измененное состояние никто из педагогов и воспитанников терпеть не готов. Сейчас психологи активно работают и в группах, и индивидуально.

На самом деле, если есть хороший крепкий воспитатель, он очень помогает проживать сложные периоды, организует пространство для ребенка, где тот сможет безопасно «выпустить пар».

Даша, выпускница школы-интерната

«Прямо сильно замкнутого пространства в интернате я не помню, такого не было. Я всегда, если мне было сильно плохо, просто уходила в душ и там сидела. Меня никто не беспокоил. Все прекрасно понимали, что определенное время у нас есть другой душ, где можно помыться, если кому-то срочно надо.

Наша воспитательница говорила ребятам, чтобы оставили меня в покое и дали прийти в себя. Я считаю, что в каждом детском доме и интернате должен быть не психиатр, который ставит клеймо в виде какого-то диагноза, а психолог, который помогает выйти из тяжелой ситуации. Чтобы не в душе закрывшись можно было с собой договариваться, а в более адекватных условиях».

Полностью согласен с этим мнением. Кстати, во многих современных детских домах психологи не только консультируют и проводят тренинги, но и активно участвуют в жизни наставнических пар на начальных этапах. Мы просим психологов учреждения рассказать взрослому всю необходимую информацию о ребенке до того, как пара впервые выйдет за территорию. Иногда перенаправляем наставников с вопросами к специалистам, которые больше знают о конкретных детях. В сложных ситуациях психологи приходят нашим ребятам на помощь. Если у специалиста есть время и возможность, он возьмет ребенка на консультацию, поможет разобраться в каких-то актуальных вопросах.

Когда психолог сам замечает, что какому-то подростку стало плохо — изменилось самочувствие, реакции, воспитатели стали чаще жаловаться, то проводит беседы. Но стоит учитывать, что это не панацея. У наших детей сложности с базовым доверием к миру, а это значит, что далеко не каждый в критической ситуации обратится за помощью к взрослому. И не по всем детям заметно, что им плохо.

Многие научились так хорошо маскировать свою боль, что она не видна окружающим, даже психологам, когда они не специально проводят диагностику. Если бы ребенок был один, такие вещи все равно бы рано или поздно всплыли. А когда их целая толпа травмированных и раненных под одной крышей, личные трагедии не так бросаются в глаза.

Сабрина, выпускница детского дома

«Я сразу решила встроиться в систему, быть удобной, комфортной, вообще лапушкой. Всем прям вот потакать, куда-то далеко запихнуть свое собственное «я», чтобы лишний раз не трогали, не обижали. То есть это «я» все равно периодически вылезало, иногда был такой дисбаланс: «Что происходит? Я так не хочу! Со мной так нельзя», но я это сознательно глушила. Не то место, чтобы быть собой.

Тем более есть «старшаки», они же тоже разные — могут к тебе плохо относиться, и это уже страшно: вдруг побьют, наорут, что-то с тобой сделают. Мне было понятно, что, если ты будешь хорошеньким, ты будешь в какой-то условной тусовке. Если будешь неудобным, будешь получать. Выбор для меня был очевиден, но пришлось забить на свои какие-то чувства, эмоции и «хочучки», что тоже, естественно, потом выливается... в не очень приятные истории.

У меня такое поведение закрепилось, и после выпуска я столкнулась с тем, что меня откровенно «юзают», а сказать «нет» было невозможно. Мне все казалось, что, если я откажу или отвечу резко, меня потом не позовут, я больше не буду нужной, интересной, и это будет конец. Пришлось учиться проявляться уже в кабинете психолога, и получилось не с первого раза».

Есть еще один важный нюанс: наши дети не просто 24/7 находятся в коллективе. Они 24/7 «варятся» в одном котле с такими же травмированными и ранеными детьми, как и они сами. Если подумать, ребята в принципе не так часто видят «норму», чтобы взять ее на вооружение как данность. Ребенок выстаивает отношения с другими детьми, они общаются, они взаимодействуют, но эта социализация все равно условная, потому что общество на 90% состоит из «травматиков».

На школу как на источник позитивных примеров качественного общения надежды, честно говоря, тоже мало. Подчас достаточно одного нашего ребенка со сложным поведением, чтобы довести до ручки всех учителей и установить в классе привычную ненормальную иерархию.

Детский дом — это система, где стресс и травмы часто остаются непроработанными, а коллективная среда усиливает негативные паттерны. И наставник не в силах исправить систему. Но он может стать для ребенка островком стабильности, дать безопасное пространство для эмоций, четкие границы и новый опыт отношений. Наставник — проводник между миром, в котором «варится» ребенок и внешними ресурсами. Он дает ребенку шанс обрести голос для выражения чувств, увидеть альтернативы «системным» моделям поведения, почувствовать, что он не одинок в своей истории.

Александр, наставник мальчика

«Мы как-то поехали вдвоем на шиномонтаж. Без какой-то высокой образовательной цели, просто знал, что ребенку такое будет прикольно, и взял его с собой. Пока ждали очереди, обошли весь автосалон, посидели в каждой машине, кнопки понажимали, помечтали, кто на какой хотел бы кататься. Потом пришло время оплачивать услугу, оператор назвал сумму, и я понял, что вышло больше, чем рассчитывал. Говорю: «Проверьте,

пожалуйста, прошла ли скидка? Какие-то опции у меня должны быть бесплатными». Оператор почесал репу, проверил, обнаружил, что ошибся, извинился и изменил сумму в чеке.

Я бы не запомнил эту ситуацию, если бы на нее не обратил внимания мой подросток. Он был очень удивлен, сказал: «Почему тебе дали скидку? Ты же даже не ругался, не кричал? Вот так просто?». Я ответил: «Ага, ругаться с людьми иногда приходится, но это скорее исключение. Обычно достаточно вежливо просить и договариваться».

У меня и мысли не было проводить какие-то воспитательные беседы и мастер-классы по общению, но, судя по всему, в тот день я открыл ребенку очередную Америку. Надеюсь, он придумает, как применить эти знания в своей жизни».

В учреждении дети отчасти изолированы от общесоциальных норм. Конечно, воспитатели и администрация по возможности несут в массы доброе, светлое и прекрасное, но они никак не могут влиять на формирование иерархии среди детей. И это тоже важный момент.

Так или иначе в любом замкнутом коллективе появляется иерархия, она может быть явной или скрытой, но есть лидеры и ведомые, слабые и сильные. И то, и другое положение для ребенка — дополнительный фактор стресса в копилку имеющихся. Если он занимает низкую позицию в негласном «рейтинге» детского дома, он может находиться в постоянном напряжении из-за страха сделать что-то не так и быть отвергнутым коллективом. Если у ребенка высокое место в иерархии, он вынужден переживать за поддержание статуса, провоцировать и участвовать в конфликтах, проявлять себя не с лучшей стороны, чтобы удержать власть.

Даша, выпускница школы-интерната

«В детских домах и интернатах есть много подводных камней, невидимых со стороны. Но когда ты внутри системы, ты неизбежно знакомишься с правилами. Например, у меня были серьезные конфликты с девочками в интернате поначалу, потому что каждый там пытался стать авторитетом, под себя подстроить остальных. А я не хотела прогибаться. И это серьезная работа была над собой, точнее над формированием мерзкого характера. Какое-то время мне нужно было быть максимально взрывной и хамоватой, чтобы меня не подмяли.

Хотя в нашем интернате не особо было распространено подобное, то есть у нас нелегальное лидерство пресекали. Но один год я жила в другом месте. Вот там была жесть: процветала дедовщина, и сам директор не просто разрешал, а поощрял побои. Воспитатели могли сказать: «Плохо себя ведешь? Жди, ночью к тебе придут», и они отправляли старших детей избивать тех, кто провинился. Я там спать боялась, дышать боялась. Ужасное место. Хорошо, что закрылось».

К сожалению, бывает и такое. К счастью, такого становится меньше. Мы рассказываем про иерархию для того, чтобы у наставника было представление о внутренней кухне. Как правило, это знание снимает часть вопросов о поведении подопечного. Это полезно держать в голове, но не стоит подходить к ребенку с вопросом: «Скажи, какое место в иерархии ты занимаешь?». Наставник — не следователь и не психолог-диагност, его цель не добыть больше информации, оценить положение ребенка в коллективе, изменить социальную структуру детского дома, а фокусироваться на индивидуальном взаимодействии. Если у наставника и ребенка хороший контакт, то подросток расскажет о том, что его волнует.

У нас был случай, когда один подросток пожаловался наставнице, что его обижает сосед по комнате. Наставница поступила очень мудро: она не побежала с криками «Кто тут моего ребенка обижает», а обратилась к воспитателю. Выяснилось, что у зачинщика конфликта тоже

есть наставница. Женщины познакомились между собой, договорились, что каждая со своей стороны будет принимать меры, чтобы наладить отношения детей — разговаривать, объяснять, успокаивать, рассказывать о способах выражать свои мысли и чувства без агрессии.

Понятно, что параллельно шла работа детского дома, психолога, воспитателя, но это пример ситуации, когда согласованная поддержка наставников оказалось очень полезной. Хотя в целом, когда подопечный делится переживаниями о своем месте в коллективе и конфликтах, это больше повод для эмпатии, а не для активного вмешательства. Как и все подростки, наши ребята хотят получить поддержку взрослого, а не спасателя, который хочет делать все за них.

Важно держать в голове, что при всех нюансах детского дома, раз ребенок находится там, то это наилучший вариант для подростка на данный момент.

Наставнику важно не только наладить нормальные отношения с администрацией и воспитателями учреждения, но и при необходимости помогать ребенку смириться с тем, что сейчас он живет именно в таких условиях. Можно и нужно позволять ребенку выражать недовольство воспитателями и системой в целом, это может быть необходимо для разрядки, но мы категорически не рекомендуем настраивать ребенка против руководства или сотрудников учреждения.

Если наставник собирается усыновить подопечного прямо завтра, и ребенок больше никогда не перешагнет порог детского дома, нелестные отзывы об учреждении еще допустимы. Не полезны, но и не фатальны. Но если наставник говорит плохо о системе, директоре, воспитателях, но позволяет ребенку оставаться в условиях, которые сам признает ужасными, это уже роняет тень на светлый образ наставника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.